
ВЕСТНИК ДЕТСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

Выпуск 7

2013

ВЕСТНИК ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Периодическое информационно-аналитическое издание

Выпуск 7

При поддержке Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России
При спонсорском участии – дизайн-студии «Р.Е.К.А.»
Главный редактор – доктор филологических наук
Т.А. Федяева
(fedjaew58@mail.ru)

Информация о «Вестнике детской литературы»
на сайте www.vestnikdl.ru

Редакция

Теория и история детской литературы –
доктор филологических наук И.И. Бурова
Рецензии – кандидат филологических наук С.В. Максимова,
кандидат филологических наук В.Ю. Чарская-Бойко,
кандидат филологических наук М.В. Иванкина
Редактор – прозаик, член Союза писателей России А.И. Белинский

При перепечатке и цитировании ссылка на
«Вестник детской литературы» обязательна

ISBN

© Т.А.Федяева – идея проекта, составление, 2013
© Коллектив авторов, текст статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПОРТРЕТ ПЕРЕВОДЧИКА:

Сергей Владимирович Вольский 5

РЕЦЕНЗИИ

ПОВЕСТЬ

С.В.Максимова. Увидеть войну глазами ребенка:
рецензия на книгу Виктора Васильева «Зарубки на сердце» 11

РАССКАЗ

А.В.Давыдова. «Везет же этим третьеклассникам!»:
о книге С.Махотина «Включите кошку погромче» 16

В.Г.Сибирцева. «Шаги за дверь»
и «Друга много не бывает»: почти рецензия
на книги Олега Корниенко и Олега Бундура 21

Т.Г.Лимановская. «Эту книгу я посвящаю всем детям».
Рецензия на сборник рассказов Н.Бондаренко
«Артемкины истории и мамыны сказки» 24

ПОЭЗИЯ

Л.Яковлев. Новая поэзия для детей. Финал. 27

А.В.Давыдова. Мир как метафора
в книге С.Белорусца «Парикмахеры травы» 40

Поздравляем с юбилеем: к 75-летию Л.Л.Фадеевой
В.Г.Сибирцева. О новом сборнике стихов
Л.Фадеевой «Сочиненье про весну» 43

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

М.В.Иванкина, В.Ю.Чаркая-Бойко.
Серии «Мировая книжка» и «Маленькие девочки»
издательства «Энас». Книги для мальчиков и книги
для девочек: исторический экскурс 45

В.Ю.Чарская-Бойко. «Неужели ребенок никогда не может победить взрослого?»:
рецензия на книгу Б.Литцорно «Послушай мое сердце» 49

А.В.Давыдова. «Начнем, а там будь, что будет»
или «Проще простого – очертя голову!»:
о книге Пала Бекеша «Горе-волшебник» 52

М.В.Иванкива. Осмелюсь ли я потревожить Вселенную?
Рецензия на роман Роберта Кормье «Шоколадная война» 55

ИЗ ИСТОРИИ ДЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Л.Н.Гаврилов. Прощай, «Искорка»..., здравствуй, «Искорка»! 59

ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ:

ЖАН ФИЛИПП АРУ-ВИНЬО (февраль 2013)
Интервью провела Е.А.Белозерова 68

ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Л.Ф.Московская. Детство – это серьезно.
Заметки о детской литературе. 80

А.П.Кашкаров. Финский библиотечный опыт и рекомендации
книг для детей финских авторов. Краткий обзор. 91

В.Г.Сибирцева. Советские детские библиотеки
глазами австрийских писателей. 96

ИНФОРМАЦИЯ

Премия имени В.Голявкина
к 85-летию со дня рождения писателя. 100

В.Винникова. Сохранив литературу, сохраним
воспитание: круглый стол по проблемам детской
литературы на восьмом международном книжном
салоне (СПб, Манеж). 102

М.В.Иванкива. Как говорить с детьми о сталинизме?:
всероссийская акция «Библионочь» 108

Ю.А.Буковский. «Санкт-Петербургская Искорка», зимний номер. . 111

ОБ АВТОРАХ «ВЕСТНИКА» 114

ПОРТРЕТ ПЕРЕВОДЧИКА: Сергей Владимирович Вольский

В настоящем номере «Вестника» мы несколько нарушаем нашу традицию – начинать выпуск с представления писателя. Есть в области творчества профессия сродни писательской – это перевод художественной литературы. Переводчик, как и писатель, дает книге жизнь, но жизнь вторую, в другой культуре. Именно от его искусства зависит судьба переведенных произведений. Сегодня мы знакомим наших читателей с одним из ведущих переводчиков Санкт-Петербурга, членом Союза Писателей России Сергеем Владимировичем Вольским (Зуккау). Сергей Владимирович открыл для русского читателя книги многих и многих венгерских авторов: А.Серба, Ж.Харшаньи, Ш.Шульца, М.Хубай и др. С 1975 года он активно работает как театральный переводчик. В питерских театрах с большим успехом несколько сезонов шли пьесы Пала Бекеша «На глазах у женской береговой охраны» (театр «Буфф») и Акоша Кертеса «Мы все любили его» (театр им. Комиссаржевской). В настоящее время в Санкт-Петербургском Театре музыкальной комедии идут три

оперетты с текстами в переводе Сергея Владимировича: «Весёлая вдова» Ференца Легара, «Летучая мышь» Йоганна Штрауса и «Фиалка Монмартра» Имре Кальмана.

В ряду переведенных С.В.Вольским произведений немалое место занимает литература для детей, о чем пойдет речь далее.

Переводческий дар С.В.Вольского универсален – он одинаково успешно переводит стихи, прозу, пьесы. За заслуги в области перевода он награжден орденом «Малый крест Венгерской республики», его переводческое искусство отмечено и такими наградами, как присуждение высшей театральной премии Петербурга «Золотой софит», а также «Золотой Есенинской медалью» за достижения в области поэтического перевода. Мы благодарны Сергею Владимировичу за предоставленные материалы о его творчестве, а также за то, что он поделился с нами своими размышлениями об искусстве перевода, о состоянии современной переводной литературы, рассказал о себе – переводчике в третьем поколении.

Т.А.Федяева

ИСТОКИ

Я происхожу из семьи российских немцев. Мои дедушка и бабушка - Герберт Зуккау и Алиса фон Витте - были профессиональными литераторами-переводчиками, в 20-30-е годы прошлого века они активно сотрудничали с ленинградскими издательствами, переводя произведения немецких и австрийских писателей. Им принадлежит и первый перевод на русский язык знаменитого романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (издательство «Прибой», 1928). Их старший сын Владимир (мой отец), взявший псевдоним «Вл. Невский», начинал как поэт, в 1948 году выпустил сборник рассказов, а затем выучил латышский язык и полностью переключился на переводы. Он познакомил русского читателя с замечательным латышским поэтом Александром Чаком («Лестницы», Рига, 1964, «Сердце на тротуаре», М., 1966), переводил Яна Райниса, современных поэтов и прозаиков. В 1959 г. в Гослитиздате вышла «Антология латышской поэзии» в 2 томах, где он был составителем и основным переводчиком.

С выбором профессии у меня никаких проблем не было. Я еще в школу не ходил, а уже знал, что буду переводчиком. Мне нравилось

смотреть, как отец сидит за столом, курит папиросу и, глядя в книгу с непонятным текстом, пишет что-то на чистом листе. И я хотел стать таким же, как он. Но чтобы стать переводчиком, надо знать какой-то язык. Это я осознал позже, в шестом классе, когда начал писать стихи и заниматься в кружке юных поэтов при редакции газеты «Ленинские искры». Очень хотелось что-то переводить - и я покупал всевозможные словари и переводил, что ни попадя, со славянских языков: с украинского, белорусского, болгарского, польского. А потом отец посоветовал мне учить венгерский, потому что у нас мало переводчиков с венгерского. Он знал, что говорил. Я до сих пор являюсь единственным переводчиком венгерской литературы в Санкт-Петербурге. Я самостоятельно, по учебникам, освоил язык на приличном уровне, и мои переводы сразу начали выходить в журналах «Нева» и «Звезда». Это был 1963 год, я тогда учился в 10-м классе. А вскоре на мои первые опыты обратила внимание замечательная московская переводчица Елена Ивановна Малыхина, работавшая редактором в издательстве «Художественная литература», и пригласила к сотрудничеству. Она

оказалась высококвалифицированным и очень строгим редактором, что, в общем, было естественно для

лучшего советского издательства, и во многом благодаря ей я состоялся как переводчик.

ОБ ИСКУССТВЕ ПЕРЕВОДА

Что же такое художественный, в том числе поэтический, перевод? Действительно ли каждый средне-статистический виршеплёт, умеющий рифмовать подстрочники, может претендовать на статус профессионального переводчика? Увы, нет! Искусство перевода не имеет никакого отношения к рифмоплётству. В своё время великий И.В. Гёте, трепетно относившийся к искусству перевода, сказал: «Перевод должен не просто служить вместо оригинала, а полностью заменять его». Эти слова классика - священная заповедь для профессионального переводчика, который наподобие лицедея должен обладать даром перевоплощения, чтобы, отрешившись от своего «я», жить мыслями и чувствами автора. Профессия переводчика сродни актерской - только вжившись в образ, можно передать тончайшие нюансы, заложенные в произведении. Эта профессия забирает человека целиком, её невозможно совмещать ни с какой другой. Как талантливый актёр, работающий над ролью, перестаёт существовать в реальной жизни и уже

днём и ночью живёт в образе Гамлета или Тартюфа, так и переводчик в своей работе должен дойти до той точки кипения, когда он начинает ощущать себя Шекспиром, Бодлером, Петефи или Байроном, когда он непроизвольно начинает облекать свои мысли в ту же форму, что и они.

На первый взгляд, прозу переводить легче, чем поэзию: достаточно быть грамотным человеком и знать иностранный язык. Но простота эта кажущаяся. Переводчик обязан чувствовать переводимый материал, как музыкант чувствует исполняемое произведение. В противном случае выходит мертворождённый текст, лишь внешне похожий на оригинал, но по сути не являющийся художественным переводом. Между профессиями поэта и переводчика также знака равенства не поставишь. Более того, между ними глубокая пропасть. Это совершенно разные профессии. Объединяет их только форма (ямб, хорей и т.д.), которая по большому счету значения не имеет. К примеру, и М.Цветаева, и Б. Пастернак занимались переводами, но, увы, не

всегда удачно. И причина этого в том, что они не в состоянии были отказаться от своей яркой индивидуальности и полностью подчинить себя другому поэту. Возникает резонный вопрос: значит, поэты не могут успешно заниматься переводами, если даже таких поэтов, как Цветаева и Пастернак преследовали неудачи в этой области? Ответ предельно прост: могут, но только в тех случаях, когда переводимые стихи близки им по духу, т.е. соответствуют их индивидуальности. Так, например, Михаил Исаковский

(автор известных песен «Катюша», «Летят перелетные птицы» и др.), чей талант сформировался в стихии русского фольклора, великолепно перевёл два стихотворения Шандора Петефи (который использовал в своём творчестве мотивы венгерского песенного фольклора) – «Песня волков» и «Песня собак». Конечно, при этом Исаковский профессиональным переводчиком не стал, «Фауста» он перевести не смог бы. В данном случае произошло счастливое совпадение творческих индивидуальностей.

О ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод детской литературы – это совершенно особая область. Сказку нельзя переводить дословно. Это работа, требующая неординарного творческого подхода. Заходер не переводил «Винни-Пуха» – он сделал вольный пересказ. Лексика, понятная ребёнку, каламбуры, игра слов – всё это перевести в точности с одного языка на другой практически невозможно. И переводчику приходится включать фантазию, чтобы передать это средствами родного языка. Я сталкиваюсь с этим постоянно.

Вот пример такой обработки текста: в сказке «Все мыши любят

сыр» серая мышь Лиди будит своего супруга, и он вскакивает с криком: «Кар... кар...!»

– Прекрати каркать, Мартон! – напускается она на него. – Ты не ворона.
– Я хотел сказать: караул! Я думал, это кошка, – оправдывается Мартон».

Во многих языках – в том числе и венгерском – нет родов. И это дополнительные трудности для русского переводчика. В сказке «Приключения двух пингвинят» я придумал такой диалог моржа Хитёржа и рыбы-пилы Вредозубика:

ХИТЁРЖ. Напильник ты безмозглый!

ВРЕДОЗУБИК. Почему это я напильник? Я рыба-пила.

ХИТЁРЖ. Соображать надо. Пила женского рода. А ты...

ВРЕДОЗУБИК. А я мужского.

ХИТЁРЖ. То-то и оно! А название у тебя девчоночье: рыба-пила. Как это получается?

ВРЕДОЗУБИК. Почём я знаю?

ХИТЁРЖ. Ничего ты не знаешь! И что я связался с таким недотепой?

Особая роль в сказках и пьесах для детей принадлежит песенкам, куплетам. Они обязательно должны строиться на каламбурах, на игре слов. В сказке «Щенок, с которым никто не дружил» («Голубой щенок») три бульдога в собачьей тюрьме, представляясь щенку, посаженному в их камеру, поют:

С детства тяготей к плутням
и обманам, Ротозеев глупых
видим за версту мы.

Шарить насобачились по чужим
карманам

И крутить по-своему колесо фортуны.

А влюблённый мышонок Шома («Все мыши любят сыр») поёт своей избраннице:

*Звёзды, словно шкварки,
И нежны и ярки.
Как головка сыра,
Полная луна.*

*Но скажу я всё же:
Нет тебя дороже.
Звёзд на небе много,
Ну а ты одна.*

Первая переводная книжка для детей у меня вышла в 1974 году в будапештском издательстве «Корвина». Это был сборник стихов венгерского поэта Иштвана Кормоша «Круглый год».

Позже – вплоть до 1985 года я переводил для издательства г. Грозного ежегодные коллективные сборники чеченских и ингушских поэтов для детей.

Я перевёл два десятка пьес для детского (кукольного) театра, многие из которых шли и продолжают идти на сценах наших театров. Это «Прожорливый жираф» Эде Тарбаи, «Заколдованная мышка» Агнеш Балинт, «Хитроумный ёжик» Аकोша Тордона, шесть пьес Дюлы Урбана: «Щенок, с которым никто не дружил», «Тайна Дома утят», «Завистливый поросёнок-копилка Шампуцли», «Дар Вифлеема», «Приключения двух пингвинят», «Все мыши любят сыр». Последняя поставлена в 70 театрах России и уже семнадцатый сезон идёт в нашем ТЮЗе. С Дюлой Урбаном меня связывает творческая дружба с 1974 года, когда я впервые побывал в Венгрии. Надо сказать, что на данный момент он один из самых востребованных

европейских драматургов, пишущих для детского театра: его пьесы идут во многих странах Европы и Латинской Америки. Я перевёл на русский язык практически всё, что он написал, и эти пьесы играют уже 35 театров России и ближнего зарубежья.

Кроме того, все свои пьесы Д.Урбан переработал в повестисказки, которые также в моём переводе в настоящий момент одно из

питерских издательств готовится выпустить в свет.

В прошлом году в журнале «Современная драматургия» опубликована пьеса Пала Бекеша «Бал чудовищ» для детского театра.

Московское издательство «ЭНАС» готовит к выпуску роман венского классика Дюлы Круды «Король цирка», предназначенный для среднего и старшего школьного возраста.

О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

За последние два десятилетия наш рынок оказался заваленным низкопробной массовой литературой. Для всех очевидно, что значительно снизилось качество переводной литературы. Причин здесь несколько. Назову одну из важнейших: исчез институт редакторов, высококвалифицированных специалистов в области русского языка и литературы. И как следствие - неуклонное снижение качества переводов. Новое поколение переводчиков, пришедшее в литературу в постсоветский период, оказалось неподготовленным к выполнению столь высокой

миссии, как пересадка на русскую почву лучших образцов зарубежной литературы. Даже самые талантливые из них допускают такие элементарные ошибки, на которые в прежние времена указал бы любой квалифицированный редактор. Певцу мало иметь голос, надо его ещё поставить, чтобы выйти на профессиональную сцену, а для этого пять лет учатся в консерватории. Переводчику мало иметь талант - необходимо пройти хорошую школу под руководством опытных мастеров, чтобы освоить все нюансы этой профессии. Порой на это уходят годы.

ПОВЕСТЬ

С.В.Максимова

УВИДЕТЬ ВОЙНУ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВА «ЗАРУБКИ НА СЕРДЦЕ»

В.Н.Васильев. Зарубки на сердце. СПб.: ООО «Аргус», 2013. -256 с.

Признаться, я не сразу села за рецензию на книгу Виктора Васильева «Зарубки на сердце». И, возможно, я так и не взялась бы за нее, если бы случайно, собирая материал для другой статьи, не наткнулась в интернете на информацию об авторе повести. Из этих сообщений я узнала, что время от времени Вик-

тора Васильева видят в Петербурге - у станции метро «Горьковская», там, на лавочке в парке, он продает изданные за свой счет произведения для детей и книгу «потолще и посерьезнее» - о своем военном детстве. И я снова вернулась к повести «Зарубки на сердце», перечитала ее еще раз. И подумала, что мы, теперь живущие, говорим о войне, как правило, лишь в памятные даты и, в сущности, мало что знаем о ней...

Повесть «Зарубки на сердце» дает возможность увидеть ту войну глазами маленького ребенка, но предназначена она для детей среднего и старшего возраста. История-репортаж Виктора, от лица которого ведется повествование, начинается за два года до Великой Отечественной войны, с его шестого дня рождения и простых подарков. Несмотря на отсутствие валенок зимой, чтобы выбежать во двор и поиграть, несмотря на бы-

товую неустроенность, тесноту и необходимость спать на сундуке, несмотря на предчувствие войны, которое было во всем – в песнях, в недомолвках, в самом воздухе, мальчику «хорошо жить на свете».

Это утверждение в первых двух главах книги звучит настойчивым, дидактичным, в какой-то мере даже надоедливым рефреном. Виктор повторяет его неоднократно, словно заклинание. Соевый батончик, яблоки, пластинки с любимыми песнями, дразнилки, игры в прятки и снежки, новогодняя елка в Ленинграде, вечерние посиделки со взрослыми, радиопередачи, мороженое, обед с сестренкой на обочине, уроки, которые можно сделать за друга, «счет плешивых» в крещенские морозы и даже мечты задать немцам трепку «малой кровью на вражьей земле» – все это интересно Вите и составляет его «хорошо жить на свете».

Но в это мальчишечье «хорошо жить на свете» вмешивается та самая война, которая давно была в воздухе. На лицах взрослых с первых дней появляется тревога и только дети, еще не понимающие, что их ждет, продолжают играть: «Около дома мама и соседи рыли окоп с накатом из бревен. Было много глины.

А мы с Тоней лепили из нее птичек, танки, самолеты, большие звезды и сушили на жарком солнце. Тогда мы с сестрой еще не понимали, что такое война и что предстоит нам испытать»[65].

Война, за считанные дни набирающая обороты и требующая постоянной и изнурительной борьбы со смертью, заставляет Витю быстро взрослеть, оставляя в далеком прошлом его «хорошо жить на свете». На ребенка обрушивается все то страшное, что она с собой несет: бомбежки, засевшее чувство тревоги, болезни, голод, жизнь в оккупации, издевательства и зверства врага. И все это – страшное и необъяснимое – станет Витиными вопросами и зарубками.

Так ребенок, которому нет еще и восьми лет, не может сразу объяснить себе, почему взрослые испугались войны: «И чего они так испугались? – думал я. – Радоваться надо. Красная Армия задаст немцам трепку (...). Папа привезет мне с войны настоящую саблю, может быть, и наган подарит. Вот когда сосед мой, девятилетний Колька Семенов, лопнет от зависти» (64). Для мальчика война, о которой пелось в его любимых песнях, – это постоянное наступление, подвиги, слава и обя-

зательно победа. О том, что война – это разрушение и смерть, о том, что она затрагивает всех, несмотря на то, есть ли у них оружие или нет, находятся ли они на фронте или в тылу, он в силу своего возраста просто не может знать.

И таких вопросов у Вити все больше и больше. Он не может понять, почему в песнях пелось о быстрой и славной победе, а в действительности немцы ведут колонну пленных, ловят кур и хозяйничают в деревне: «Как же так? – думал я. – Что же, любимые песни все врал? Я же хорошо помнил слова: ведь от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!» [79].

Необъяснима для ребенка и «игра», происходящая между немцами и двумя женщинами: «Во дворе какого-то дома увидели, как пятеро немцев окружили двух женщин. Одна была совсем молоденькая, а другая постарше. Женщины пытались вырваться из круга, а немцы с криком и хохотом ловили их. Будто в кошки-мышки играли. Потом два немца поймали старшую женщину и потащили ее к сараю. Другие три немца продолжали ловить молодую. Она ускользала от них, испуганно кричала: «Мама, мама». Зачем кричит, если играть согласилась?

– спросил я у бабушки» [89-90]. То, что для взрослого очевидно, бабушка не сможет объяснить ребенку.

Война оставляет в памяти все самое страшное. Как немцы воспользовались наивностью маленького Ленки, чтобы забрать и убить его бабушку. Как выла в смертной тоске по матери Маруся. Как потом она боялась, что ее, как поросенка, украдут. Как пришлось голодать, есть сильно горчившие лепешки из коры и моха и похлебку из прогнившей картошки с червями. Как в деревне «забавлялся» староста. Как маленькую сестренку Тоню скрутил ревматизм. Как вся семья хотела отравиться. Как едва выжили в концлагерях... Как, вернувшись, наконец, домой после войны, пришлось узнать, что отец жив, пережил блокаду, был ранен, а теперь живет в Ленинграде, но у него уже другая семья.

Главным «действующим лицом» в произведении Виктора Васильева, таким образом, становится сама война. Именно она, а не отдельно взятый человек, является здесь предметом наблюдения и исследования. В книге поэтому нет и не может быть героев и разработанной системы образов, а есть лишь констатация фактов и свидетели событий. И мальчик

Витя выступает в роли одного (основного) из них.

Автору важно не раскрыть характеры участников событий и психологически тонко передать их портреты, а показать, как война противоречит самой природе, как она разрушает мальчишечье и всеобщее мирное «хорошо жить на свете», коверкает судьбы и подменяет людей. Он, как режиссер, снимающий документальный фильм, просто фиксирует эпизоды и выстраивает из них цельное повествование.

Например, эпизод-ужин: «Мы уже кончали ужинать, когда к нам пришла баба Лена. (...) Я помнил о всегдашнем бабушкином гостеприимстве, подвинулся на лавке, освободил для гостыи место (...). Бабушка Маша сердито посмотрела на меня и вдруг (...) заявила: «Ем, да свой», - и продолжила убирать со стола. (...) Баба Лена ушла. Я вылез из-за стола, сел у окна на лавку. «Подменили бабушку Машу. Война подменила, - подумал я. – Такая добрая, приветливая была» [119-120]. До эпизода-ужина был эпизод-баня, а после эпизода-ужина – эпизод-прощание с Петром Матюшкиным, которого изуродовали до смерти. И все это - эпизоды, которые потрясают и врезаются в память. И такие

эпизоды следуют один за другим, как простая констатация фактов жизни и смерти в условиях войны.

Книга В.Васильева, по сути, строится на стыке, смешивании документального и художественного типов текста.

С одной стороны, как документалист, для которого важно не нарушить этику правды, не погрешить против нее, автор не пытается создать реконструкцию событий, которые могли бы произойти во время войны, но рассказывает о том, что было в самой действительности, что лично он и его близкие пережили. В небольшом предисловии к повести Виктор Васильев, дающий «главному свидетелю» свое имя, подчеркивает, что в ней нет не только ни одного выдуманного события, но и ни одного вымышленного имени, что в ней собраны лишь личные наблюдения, раздумья и переживания. Другими словами, это книга о реальном человеке, чье детство пришлось на реальную войну.

С другой стороны, несмотря на то, что сюжет повести «Зарубки на сердце» вырастает из самой действительности, нельзя сказать, что книга лишена вымысла – главного и первоочередного признака художественного текста. Только

вымысел, который позволяет «перевести» жизненную реальность в текст, здесь заключается уже в самой работе с фактами, в отборе наиболее существенных из них например, об одних событиях говорится подробно, о других - конспективно), в расстановке акцентов.

При таком, в некотором смысле оксюморонном сочетании двух начал – документального и художественного - неизбежно возникают шероховатости стиля. В частности, нельзя не обратить внимания на ряд повторов в повести: ребенок во всех случаях одинаково радуется подарку («Вот подарок, так подарок»), одинаково описываются и моменты встреч («Начались охи, ахи») и проч.

Думаю, ряд редакторов захотят исправить эти неровности. Но стоит ли? В большинстве случаев подобные стилистические зазоры портят представление о произведении, однако в повести «Зарубки на сердце» они лишь усиливают эффект документальности.

Поясню. Повесть Виктора Васильева - это монолог ребенка о долгой и страшной войне. Человек, переживший войну, начал о ней говорить. И, если читатель хочет услышать максимально достоверный рассказ, то перебивать и править говорящего не следует. В противном случае он может или сбиться, или замолчать, или начать выдумывать. Здесь должно действовать то же правило, которого придерживается всякий режиссер, снимающий документальный фильм: не перебивать, но слушать героя, только тогда из его рассказа, пусть и с повторами, можно будет услышать что-то важное для себя.

Главное достоинство книги Васильева, как представляется – в ее документальности, которая позволяет читателю узнать о войне много больше, чем могут рассказать архивные документы и учебники. И, может быть, благодаря такому рассказу кто-то задумается над ценностью сегодняшнего мира.

РАССКАЗ

А.В.Давыдова

«ВЕЗЁТ ЖЕ ЭТИМ ТРЕТЬЕКЛАССНИКАМ!»:
О КНИГЕ С.МАХОТИНА «ВКЛЮЧИТЕ КОШКУ ПОГРОМЧЕ»

СПб.: Детгиз. 2012

«Везёт же этим третьеклассникам» (и не только!), для которых известный детский писатель Сергей Анатольевич Махотин создал новую книгу рассказов «Включите кошку погромче». Читая их, невольно вспоминаешь и забавные приключения дошколят в «Денискиных рассказах» В.Драгунского, и героев В.Голявкина, и Борю Збандуто, «чудака из 6 “Б”» В.Железникова, и школьную жизнь рассказчицы из сборника «Целоваться запрещено!» К.Драгунской, и двоечника Серёжу Гаврилова и отличницу Сереберцеву А.Гиваргизова... Персонажи С.А.Махотина удивительно похожи на этих героев и в то же время наделены своими, особыми чертами. Книга «Включите кошку погромче» структурно разделёна на две части. Жанр первой – «Везёт же этим третьеклассникам!..» – автор в подзаголовке определяет как «маленькую повесть, в которой что ни глава, то

везучий третьеклассник». Содержание повести составляют короткие (подчас несколько небольших абзацев) юмористические истории, героями которых являются ученики 3 «Б» класса, их учителя и родные.

Кроме персонажей, художественное единство текстам придают особенности сюжетостроения, используемые автором приёмы создания комического эффекта, лейтмотивы.

Каждый рассказ в первой части книги С.Махотина представляет собой частный портрет третьеклассника, выстроенный по законам карикатуры, где внимание автора сосредоточено на какой-либо одной важной черте героя (упрямый Боря Лужин, красивая Леночка, некрасивая, но добрая Таня, сонный и медлительный Андрюша, фантазёр Вадик и пр.). В итоге, когда все истории собираются в одну повесть, перед глазами читателя возникает,

как в мозаике, обобщённый образ ребёнка, забавного, непосредственного, искреннего, мечтательного, умеющего удивляться и удивлять, непоседливого, ещё не переступившего грань между детством и сложным подростковым периодом, но уже приблизившимся к ней.

Своих героев (и читателей) автор вводит в сюжетную ситуацию сразу же, без подготовки и экспозиции; отказывается писатель и от каких бы то ни было внесюжетных элементов, за счёт чего его тексты получаются лаконичными (видимо, это связано и с талантом С.Махотина-поэта), не содержат ни одного лишнего слова и строятся во многом по принципу обнажения художественного приёма.

Наиболее частотный структурно-семантический приём, используемый писателем, актуализируется мотивом подмены. Выделим два основных художественно-смысловых варианта его реализации в книге.

Во-первых, в тексте может «переворачиваться» сама сюжетная ситуация. Так, в рассказе «Лужа» Боря и лужа меняются местами; в «Автографе» Стёпа вручает известному писателю его же книгу с собственным автографом: «На память о встрече! Стёпа. Писатель растерялся и протянул

Стёпе 100 рублей».

Во-вторых, качественные изменения, перевоплощения могут претерпевать сами герои; словно дети и взрослые играют в ролевую игру, требующую смены обликов. Дедушка-профессор с внуком, обменявшись авторучками в одноимённом рассказе, начинают и вести себя соответственно: мальчик поражает учительницу и одноклассников умением научно изъясняться, а дедушка «ёрзает и вертится на стуле во время учёного совета. А на лекциях потешает студентов анекдотами про Вовочку». У Вадика из рассказа «Воображение» так разыгралась фантазия, что он может буквально перевоплотиться в котёнка или слоночка. А учительница Ольга Алексеевна, увидев пустой класс, радуется, что не будет уроков, как двоечник («Учительница»).

Кроме того, в первой части книги С.Махотина часто встречается комический приём неожиданного разрешения сюжетной ситуации. Ярким примером может служить рассказ «Автопарк», построенный в форме диалога третьеклассников, похваляющихся друг перед другом машинами своих родителей. Последним компонентом в ассоциативном ряду, по сути повторяющих друг друга высказываний («А у моего

папы... “Тойота”, “Опель”, “Нива”, “Форд”, “Жигули”») предстаёт неожиданная фраза Ксюши: «А у моей бабушки – сумка на колёсиках». Этот приём создаёт своеобразный эффект «двойного дна» в рассказе: последний становится возможным рассматривать и как добродушную юмористическую зарисовку, и как острую сатиру на современность, где исключительно остро проявляет себя социальное расслоение людей на очень обеспеченных и крайне нуждающихся (у кого-то «Опель», у кого-то – «сумка на колёсиках»).

Подобной же смысловой неоднозначностью характеризуется и рассказ «Президент», где автор применяет приём гиперболизированного утрирования ситуации. Встретив в трамвае Президента и пожаловавшись ему на то, что транспорт ходит редко и оттого всегда переполнен, Даша замечает, что «утром трамваи в сторону школы ехали так часто и так быстро, что многие не успевали в них сесть... Зато много было в них свободных мест. И газеты потом писали, как стал у нас хорошо работать общественный транспорт».

Утрирование художественной ситуации в финале призвано раскрыть абсурд нашей жизни, и если это ребёнку, возможно, будет непонятно, то уж взрослый читатель

точно оценит авторскую иронию. Тем более что ещё один сквозной мотив повести – мотив везения, заявленный уже в названии и вступительном рассказе, позволяет автору адресовать свою книгу отнюдь не только детям: «Мне повезло – я был третьеклассником!»

“Нашёл чем удивить, – скажут мне. – Мы все когда-то были третьеклассниками.”

“Ну и отлично, – отвечу я. – Значит, и вам повезло тоже.”»

Напоминают эти строки знаменитое посвящение Экзюпери в «Маленьком принце»: «Леону Верту, когда он был маленьким». Так что всем нам, бывшим, нынешним и будущим третьеклассникам, повезло!..

Смысловой доминантой второй части книги С.Махотина – «Включите кошку погромче» – является тема дружбы, связанная с образами сквозных персонажей Юры Шевелькова и Вадима Сорокина. В большинстве рассказов, где они выступают героями, повествование ведётся от лица Вадима, обычного мальчишки, способного на проказы и шалости, но не поверхностного, остро переживающего разлад в семье и бесконечно дорожащего дружбой с Юркой. Вадим отзывается о нём как об «удивительном

человеке», с которым всегда весело, способном изобрести занятную игру даже из слов («Сто к одному», «НЕправильные приставки»), не побоявшемся вместе со своим верным псом Пиратом старших хулиганов, фантазёре и оптимисте.

Образ Юрки воссоздан автором явно ярче и на первый взгляд интереснее, чем Вадима, возможно, именно поэтому роль повествователя отдана последнему: только в такой художественной ситуации эффективно сработает приём взаимораскрытия персонажей. Только такой искренний и преданный друг как Вадим, умеющий радоваться за другого, не завидовать и не стремиться к лидерству сможет так сказать о товарище: «Он же уникальных способностей человек! Столько мыслей сразу к нему приходит! Мне гордиться им нужно, не у каждого есть такой друг. В этом всё дело!»

Кроме того, Вадим, более чем Юрка склонный к созерцательности, явно отличается поэтическими способностями. Как точно и удивительно «вкусно» описывает он борщ, приготовленный тётей Наташей, или мамину окрошку!

В связи с этим особую смысловую значимость в контексте второй части книги С.Махотина приобретают два совсем не смешных рассказа

– «Тёмная сторона Луны» и «Боря Лаптевых».

В первом Вадим, проверяя у себя наличие их семейной особенности («если сделать что-то не так, всё равно получается, как надо»), знакомится со слабовидящим мальчиком Борей и вместе с ним любуется на Луну: «Вот это была Луна! Огромная, как в бинокле. Можно было даже разглядеть ее материки и кратеры. Она висела над домами, тяжелая, красная, и казалось удивительным, как небо держит такую громадину». В истории про Луну, которую по просьбе Бори на ходу сочиняет Вадим, чтобы скрыть свои смущение и неловкость и развеселить нового знакомого, последний неожиданно слышит подтверждение свои сокровенным мыслям о собственной уникальности, не ущербности, а исключительности: «Ну как ты не понимаешь! Слепым же все равно, темная это сторона или светлая. Другие не осмелились, а пацан смог! Правда же?»

Мотив уникальности, исключительности каждого ребёнка воссоздается и в рассказе «Боря Лаптевых» – драматической истории о том, как невзрачный, никем не замечаемый, неуверенный в себе мальчик Боря из четвёртой квартиры вдруг оказывается настоящим

героем и художником, находит в себе силы и мужество взбунтоваться против родителей-обывателей, недалёковидных и равнодушных учителей (Юрьич) и стереотипов. Он создаёт в воображении свой собственный мир, центром которого является море Лаптевых и якобы открывший его дядя Матвей. Для художественно одарённого Бори его чудесная северная страна – спасение от бытового болота, беспросветности обычной жизни.

Финал рассказа автор оставляет открытым: родители переводят Борю в другую школу, переезжают, насильно заставляют мальчика быть таким, как все, но ведь только от него зависит, вернуться ли в прежнее состояние или продолжать мечтать и жить, следуя мысли Сартра: «Не важно, что сделали с тобой; важно, что ты сделал с тем, что сделали с тобой».

Образы Вадима и Бори Лаптева сближены и в то же время противопоставлены в контексте книги. Семья первого скорее поощряет неординарность сына («Фотопортрет», «Передай другому»), в этом смысле повезло с родителями и его другу Юрке. В рассказе «Включите кошку погромче» мальчик с интересом и гордостью слушает по радио репортаж, подготовленный его ма-

терью и с радостью говорит о том, что похож на неё. Видимо, потому что друзья знают, что такое забота, внимание, уважение и любовь родителей, они так болезненно переживают их ссоры.

В начале названного рассказа Вадим уходит из дому из-за размолвки мамы и папы, а в финале использует магнитофонную запись урчания кошки Муськи, которое, как сказал Юрка, «помогает сердечным больным», чтобы их помирить: «— Мама! Папа! Идите скорее сюда! А когда они прибежали, скомандовал:

— Юрка, включи кошку погромче!

Сначала мама подошла и послушала. Потом папа.

А я все стоял, держа телефонную трубку над головой.

Пока они не начали улыбаться».

Требование героя «включить кошку погромче» – это символическое требование быть услышанным близкими, требование необходимых ему взаимной любви, семейного благополучия, мира и уважения, это проявление потребности в счастье и понимании. В какие бы заоблачные дали не уносило ребёнка воображение, главное для него «всегда остаётся на земле», и если рядом с ним взрослые, осознающие это, знают, ему повезло с самого начала.

В.Г.Сибирцева

«ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ» И «ДРУГА МНОГО НЕ БЫВАЕТ»: ПОЧТИ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ ОЛЕГА КОРНИЕНКО И ОЛЕГА БУНДУРА

Наверное, у каждого человека старше 30 лет была в детстве хрестоматия: солидная, толстая, с цветными вставками иллюстраций на толстой бумаге. Книга, в которой были и сказки, и стихи, и рассказы, и отрывки из повестей. Самой разнообразной тематики, русских и зарубежных писателей. Впрочем, рубрикация была сложнее: писатели русские, советские, республик СССР,

зарубежные... Но не в этом дело. Главное, что хрестоматию можно было читать с любого места и сколь угодно долго (хочешь – рассказ, а хочешь – полкниги), рассматривать черно-белые маленькие картинки или искать рассказы, к которым есть цветные иллюстрации. И с теми старыми хрестоматиями не сравнить современные книги по внеклассному чтению или сборники для детей. Дело не только в толщине: «Внеклассное чтение для начальной школы» или «Лучшие стихи для детей от 5 до 7 лет» по объёму сопоставимы с изданиями для взрослых; полноцветных иллюстраций тоже не занимать. Вся беда в том, что из сборника в сборник кочуют вечные, стопроцентные классики детской литературы – их читали ещё родители нынешних школьников, а то и бабушки с дедушками.

Нет хрестоматий, объединяющих авторов новых, современных, которые пишут для школьников младшего и среднего возраста. Сборник рассказов молодых писателей, вышедший небольшим тиражом в Петербурге

несколько лет назад, исчез с полок магазинов Петербурга и Москвы, так и не дойдя до провинции. Единицы держали в руках сборник произведений финалистов Международной литературной детской премии имени В.П. Крапивина. Чуть больше повезло двухтомнику «Классики», который издавался дополнительным тиражом, но оба сборника – и прозы, и поэзии – стремятся «повысить настроение, взбодрить, развить отличное чувство юмора», приглашают «поиграть». А ведь надо еще учиться думать, сопереживать, прислушиваться к природе, фантазировать. Если бы удалось собрать под одной обложкой авторов, рецензии на книги которых публиковались в «Вестнике» с самого начала его создания: Владимир Поляков и Влада Дозорцева, Александр Гиневский, Святослав Логинов, Людмила Фадеева, Наталья Гузеева, Олег Трушин, Елена Ракитина и многие другие, – и пригласить молодых художников и издать книгу для чтения тиражом этак 20 000 экземпляров... Такая хрестоматия исчезла бы с прилавков книжных магазинов в один миг, но пока она остается пределом мечтаний.

В эту хрестоматию замечательно вписались бы новые стихи Олега Бундура из книги «Друга много не бывает» (Кандалакша, 2013) и рассказы Олега Корниенко из сборника

«Шаги за дверь» (Сызрань, 2013). Обе книги достойны отдельной рецензии, однако самым поразительным образом для них нашлось множество объединяющих моментов. Не будем касаться подробностей биографии авторов: и Олег Семенович Бундур и Олег Иванович Корниенко из тех людей, которые много повидали и знают жизнь. Они умеют поговорить с юным читателем о дружбе без сюсюканья, просто и в то же время задушевно. Не рассказать, как это прекрасно – дружить, а показать, какой бывает дружба с ровесниками, с родителями, с животными, как можно ссориться и мириться.

В литературе очень важно быть не слепым подражателем, а продолжателем традиции и Олегу Корниенко это удастся. Герои его рассказов – Тимка, Федька и Валерик могли бы учиться в одном классе с Денисом Кораблевым из рассказов Виктора Драгунского или с Джонни Воробьевым Владислава Крапивина. Они не менее интересны, чем уже полюбившиеся не одному поколению читателей персонажи Николая Носова, Виктора Голявкина, Людмилы Матвеевой, потому что автор «Шагов за дверь» создал не типажи, а живые образы ребят, непосредственных, пытливых, равнодушных к происходящим вокруг событиям. Жизнь

друзей полна подвигов: вот они прыгают в воду с тарзанки, вот крутят на аттракционе «Петлю Нестерова», вот высаживают саженцы в саду. Не все подвиги взрослые могут оценить по достоинству, но это не останавливает ребят. Сходство героев Олега Корниенко, Виктора Драгунского, Николая Носова и других детских писателей проявляется и в том, что в повседневной жизни ребят нет места скуке или праздности, каждый описанный день – это событие.

Таковыми же маленькими событиями наполнены стихи Олега Бундура, но если за приключениями Тимки, Федьки и Валерика читатель наблюдал со стороны, то в сборнике стихов «Друга много не бывает» мы видим окружающий мир изнутри, глазами лирического героя, школьника. Каждое стихотворение – как продолжение разговора, непрекращающийся диалог с другом – это может быть не только школьный приятель, но и родители, и котенок, и ... читатель, с которым герой делится своими впечатлениями. Как и в других стихотворениях автора, нет в этом сборнике ни нарочитой наивности или примитивности, ни менторского тона «взрослого писателя для детей». Лирический герой Олега Бундура – всегда ровесник читателя любого возраста, потому что происходящее

описывается фактографично и без прикрас, а наблюдения выдают живой интерес к событиям, а не желание порисоваться.

Воспитание человеческого достоинства – работа трудная и неблагодарная, которая не имеет видимых результатов и сиюминутной материальной выгоды, но настоящих писателей это не останавливает. В стихах Олега Бундура и рассказах Олега Корниенко – сама жизнь и герои всегда остаются верны себе. Возвращаясь к мечте о современной хрестоматии для детей, следует подчеркнуть, что бытовой, повседневный пласт описываемых событий в детском чтении не менее важен, чем сказочный или приключенческий. Именно таких книг сейчас не хватает. Любование родной стороной, желание походить на деда-военного, любовь к братьям меньшим, взаимопонимание разных поколений – рассказы и стихи на эти темы как кусочки мозаики складываются в одну целостную картину: исподволь формируют личность, а этого не добьешься только развлечением или модным «шокированием» читателя. Остается только пожелать Олегу Семеновичу и Олегу Ивановичу творческих успехов и понимающих издателей, а читателям – новых настоящих книг.

Т.Г.Лимановская

«ЭТУ КНИГУ Я ПОСВЯЩАЮ ВСЕМ ДЕТАМ»: О СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Н.БОНДАРЕНКО «АРТЕМКИНЫ ИСТОРИИ И МАМИНЫ СКАЗКИ»

Артемкины истории и мамыны сказки. Сызрань. 2008.

Действительно, книга сызранской писательницы Натальи Бондаренко написана о детях и для детей. Однако она будет небезынтересна не только для мальчишек и девчонок, вступающих в отроческий возраст, но и для их родителей и педагогов. Взяв ее в руки, вы уже не оторветесь и будете читать до последней страницы – так увлекательны и интересны «Артемкины истории».

Ее персонажи – обыкновенные ребята школьного возраста,

в общем-то, совсем еще зеленые, делающие первые шаги в познании окружающего мира. Это и главный герой – Артем, и его сестренка Алька, и друзья – Вадик, Женька, Виталик, Аслан.

О чем же эта книга? В первую очередь, о пробуждении души, о детском мироздании, которое связано – узами тонкими и вместе с тем прочными – и с миром природы, и с миром взрослых – самых близких и дальних, и с миром сверстников.

Артемка постигает простые истины. Впрочем, это нам, взрослым, по прошествии лет они кажутся таковыми. Но в том-то и штука, что каждый должен постичь их сам, и наш герой проходит этот сложный путь.

Артемка любит этот мир. Ему нравится деревня, где он проводит у бабушки Тани и дедушки Вани летние каникулы, «мальчишки соседские, и рыбалка, и лес с поляна-

ми, полными ягод», и «поросенок с хвостиком-пружинкой и смешным носом-пяточком», и корова Марта. Ему жаль ягненка-сосунка, оставшегося без матери, и он просит деда взять его из хлева в дом, чтобы тому не было так тоскливо («Борька»).

Он восхищается диковинной птичкой – удоном, которую ребята нашли подбитой на берегу Крымзы во время рыбалки. В ее тревожном «уп-уп-уп!» ему слышится зов о помощи, и он забирает пернатую домой. В гибели удода мальчик винит себя: опоздал он со своей заботой, слишком поздно понял, что обрек птичку на голодную смерть («Удод»).

Наш герой привык доверять взрослым. Он изначально верит, что они хорошие: и «продавщица с добрыми глазами» из кондитерской, и соседка, постоянно угощавшая его сладостями, и Сан Саныч, учитель по изо, развивавший в своих учениках фантазию.

Встречаются, конечно, и исключения. К примеру, тетенька из рассказа «Пупсики», пытавшаяся обманом заполучить куклят у Артемкиной сестренки Альки. Или недалекая учительница из рассказа «Тетеха», поддерживавшая глупую

сплетню об однокласснице Артёма, а еще воспитательница деревенского детсада, которая наказала мальчугана, поставив за печку, и забыла о нем («Как я нашел друга... за печкой»). Но они, конечно же, не главные в Артёмкином мире.

Его систему ценностей определяют, в первую очередь, отец и мать. А они для него – самые лучшие люди на свете. «Папка», как ласково называет его мальчик, непререкаемый авторитет, истина в последней инстанции. Это он научил Артёмку приемам самбо, одной весомой фразой разрешал детские споры. Это отец спас мальчишек, отправившихся на поиски приключений на надувной лодке к Матрюковским озерам.

А мама? Это добрый дух семьи, во многом создающий ту атмосферу тепла, доброты и надежности, что царит в доме. Вспомним, как она учила Альку читать, посылая письма от таинственной феи («Фея»), как собирала многочисленных родственников и гостей на семейные торжества, как взяла с собой в экспедицию сына и доверила ему важную работу («Лучшая экспедиция на свете»).

Так что к своим тринадцати Артёмка уже научился разбираться в людях, помогать старшим, вставать на защиту слабых, ценить дружбу. И при этом неважно, кто по национальности твой товарищ, главное тут – взаимопомощь и выручка («Где ты, Аслан?»).

А пока школьные дни бегут один за другим, принося каждый раз новые впечатления и открытия. Вместе с Артёмом и его друзьями мы узнаем множество интереснейших вещей: и про испанских завоевателей – конкистадоров, и про величальную песнь колоколов, и про повадки братьев наших меньших.

В рассказах о школе много веселого и серьезного. Невозможно без улыбки читать историю о том, как Женька, отвечая у доски, засунул голову в транспорт и никак не мог ее вытащить («Транспортир»). Или случай на уроке рисования, когда один из учеников откусил кусок от яблока – воскового муляжа, думая, что оно настоящее.

Артёмке открывается жизнь во всех ее сложностях и противоречиях, он постигает горькие уроки нашего прошлого («Моя родословная», «Человек-невидимка»). Мальчишка вырастет, и вот уже первая

школьная любовь – Юлька Селезнёва, девочка «с дивными веснушками» и рыжеволосым хвостиком, рядом с которой он забывает «все на свете слова».

Мечтатель и фантазер, верный друг и заботливый брат, способный, пытливый ученик – самые разные грани характера героя представлены в сборнике из пятидесяти пяти рассказов. Кстати, повествование ведет сам Артёмка, причем так достоверительно и сокровенно, что оно воспринимается как рассказ хорошо знакомого тебе человека. Появляется ощущение, что ты давным-давно сроднился с героями книги.

Радует каждая фраза – динамичная, яркая, запоминающаяся. Автор учит нас постигать сложный внутренний мир современного подростка, причем делает это исподволь, ненавязчиво, без ложного пафоса и нравоучений. Это и есть, пожалуй, самое ценное в книге. Читаешь и проникаешься мыслью: «Хорошо, что подрастают у нас такие мальчишки. Пытливые, добрые, неравнодушные. Умеющие отвечать за себя и за все, что происходит вокруг».

И замечательно, что в наше непростое время в Сызрани есть люди, которые пишут такие книги.

ПОЭЗИЯ

А. Яковлев

НОВАЯ ПОЭЗИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ. ФИНАЛ.

Знаете, статья получилась какая-то... личная, что ли. Ни с того ни с сего начинаю обращаться к авторам. Хотя не знаком почти ни с кем. И спорю с читателями. Этих еще меньше знаю. Может, это старость с ее неизбежным маразмом? Или тема такая? Ну да, тема особенная. Я и впрямь испытываю очень сильное удовольствие от хорошей детской литературы и меня очень сильно раздражают самозабвенные графоманы. А еще сильнее – когда они выдавливают хорошую литературу.

Знаете, что удивило? Почти полное отсутствие ныне графоманов харизматичных, которыми были перенасыщены девяностые и двухтысячные. Для тех-то детская литература была чем-то вроде бизнеса, и они этого не стеснялись. А эти все делают, кажется, от души – шутят, морализируют, разливают доброту. И от этого ситуация кажется еще безвыходнее. Они же стараются, даже как-то неловко их обижать. Но приходится, эх...

Мне сказали:

*«Яблоко – полезно,
потому что много в нем железа!»*

Ну, не знаю...

*Я три штуки съела –
ничего внутри не загремело!*

Знакомьтесь, Дмитрий Сиротин и его шутки. Первый участник нашей первой номинации – «стихи для дебилов». Этим слоганом, кстати, я ничуть не оскорбляю детей, потому что «дебилы» они в представлении номинантов, а не сами по себе. Дети – прекрасны, в них сверкает игра, они чисты, открыты, веселы, доверчивы, сообразительны. Но разве к этим детям обращается автор стиха про не гремющее, хотя и съеденное железо? Нет, к другим – вылупившим круглые, как пуговицы, глаза, со слюной, стекающей из полукруглого рта, и вдруг как заржут – ж-е-л-е-з-о-н-е-з-а-г-р-е-м-е-л-о-б-л-и-н!.. Брр... Привидится же... А все Дмитрий Сиротин. Если бы он доверял

детям и не вдавливал им свои шутки с маниакальным упорством, может и обошлось бы... Он же:

КЛЁВ И КЛЮВ

«Как рыбалка, дед?»

«Спасибо...

Не клюёт, ребятаки, рыба...»

Вот смешной попался дед!

Ведь у рыбы клюва – нет!

Может разве что присниться
рыба с клювом, рыба-птица...

Ну конечно, не клюёт,
просиди хоть целый год!

Что вы говорите, граждане читатели? Бывает и хуже? Да я и сам знаю (у нас много чего впереди), но ведь и этот вроде бы приемлимый планктон – абсолютно не приемлим! Каждая серенькая пошлячка разъедает подкорку у ребеночка! Это как кормить детей продуктами из сои. Хотите – кормите. Но не удивляйтесь потом, когда выльются глаза и слюнки потекут.

Отношение к детскому стихотворению как к неважнецкой поделке, где можно не напрягаться – катастрофично. Сейчас скажу грубость, которая правда. За детскую литературу очень-очень часто берутся те, кто ничего другого не умеет. А детский стишок – это же так легко, думает он!

И пишут, пишут, как будто не было до них прекрасных поэтов! Как будто они начинают на пустом месте! Как будто детская литература и впрямь второстепенная, как утверждают высоколбы критики! Пишут все, что в голову придет! Не фильтруют! Про негрмящее железо и безклювых рыб. Нет чтобы каким-нибудь полезным делом заняться, помыть плиту, разложить шурупчики и болтики на две кучки, мусорку вынести, старушку преревести через улицу – так нет, пишут! Примерно вот так...

СОВА И ГОЛОВА

За надоедливой пчелой
Сова вертела головой
Сначала час, потом другой
Вертела аккуратно...

Пришлось нам голову с совой
Соединять обратно.

Автор – Ивойлова Саша. А может, без комментариев? Я вам, читатели, доверяю. Но продолжим номинацию «стихи для дебилов».

Елена Фельдман

ЖИВОЕ КОНФЕТТИ

1.

– Расступитесь! Позвольте пройти! –

Пропищало, летя, конфетти.
– Право, очень неловко
На девчачьих головках
Приземляться мне, как ни крути.

2.

Режиссер, неизвестный почти,
Конкурентов мечтал обойти.
Приходил в кинозал
И жуков рассыпал,
Говоря: «Это лишь конфетти!»

3.

У одной долговязой старушки
Потерялись подряд три подушки.
Нелегко их найти,
Раз весь дом в конфетти!
Так старушка любила хлопнушки.

И снова давайте без комментариев. Сами скажите себе, что думаете по этому поводу, и закончим с номинацией. Или хотите контрольный выстрел? Ну давайте – стихотворение Игоря Лагерева. Заранее простите. Единственное, что может меня оправдать – этим «шедевром» мы завершаем номинацию.

КАК СЛОНОЛЁТЫ ИЗБЕГАЮТ СТОЛКНОВЕНИЙ С ПТИЦАМИ

Если близко птичьей стаю
Наблюдает слонолёт –
К птичьей стае приближаясь

Слонолёт всегда поёт.
Птицы, слыша эти ноты
Уши крыльями заткнут.
Упадут. И слонолёты
Не изменят свой маршрут.

А если кто захочет меня упрекнуть, что я не трогаю тех, с кем начинал «Черную курицу», у меня есть ответ. Я все вижу: и «заказники» издательств, исполненные холодной рукой, и блёклые самоповторы. Но бездарностей не было! И сейчас они ими не стали! И то, что они порой себе позволяют – предмет для грусти, а не для ужаса.

Но перейдем к следующей номинации. «Живенько, но неумело». Тут дела получше, что явствует из названия. Авторам не откажешь в выдумке. И даже в определенном мастерстве. Но они делают себе поблажку, мол и так сойдет. Герой стихотворения Наталии Волковой посетил музей с наскальными рисунками, разрисовал обои дома, шокировал родителей – ну и вывод: «Признаться должен вам, друзья: Похоже, не художник я...». И это все? Как будто автор надувал шарик – а он раз, и сдулся. Осталась вялая тряпочка на выброс.

Или Елена Ярышевская. Сначала описывает идущий пиджак, и неплохо, слышит звук, ритм. Однако финал: «По привычке он в субботу шел без

папы на работу!» Елена, а что, папа по каким-то причинам ходит на работу голый? Тоже по привычке? Или вообще не ходит? Вышел на пенсию? А пиджак – энтузиаст? Или что? Может, вы хотели смешное сказать? Вы пошутили, но якобы. А ведь чуть-чуть постараться – и будет на самом деле. Хотя, если честно, и пиджаки и пальто и шубы в детской поэзии столько раз хаживали! Или вот вы рассказываете (опять же складно), как выстраиваются войска из блюдец, чашек и так далее – и очередной примитивный финал: «Пригласить сюда ребят! Начинаем наш парад!» А столько веселых возможностей у вас было для завершения! Так в чем же дело? Уж не в том ли, что вы относитесь к детскому стихотворению не очень серьезно? А ведь это дело серьезное – смешной стишок.

У Риммы Алдоновой та же история. Вот стишок про бегемотиху в трамвае. И выдумка и юмор и игра словами: «Забегемотила проход и ни назад, и ни вперед!» Но вот подкатились мы в месте с трамваем к финалу и... «Трамвай, катаясь, хохотал, потом в милицию попал». Ну нельзя же, Римма, все так нелепо портить! Ну причем тут милиция! Нехорошо так безразлично относиться к ожившему под вашим пером трамваю!

Еще один продолжатель номинации, Михаил Лукашевич. «Пожалуй,

обследую этот комод: приподнял (?) я крышку, пошарил и вот...». То и дело язык застревает в неблагозвучиях и неправильных ударениях. И все же репортаж о футбольном матче кое-чего стоит, поскольку...

*...Развязка жуткая в турнире:
Лежу в шестнадцатой квартире.
До новых встреч – окончен матч!
Вёл репортаж*

Футбольный Мяч.

Удачный прием для любителей банальных сюжетов. Чтобы в финале все перевернулось. Вообще банальность для новых детских поэтов, о которых речь – серьезная проблема. Тысячи их предшественников так активно разработали сюжетику, что нужно либо искать сюжеты в сопредельных пространствах, либо затягивать взрослую поэзию в детскую, либо выдвигать в стихи живых людей, с их современной живой речью, либо заниматься ювелирной эквилибристикой. В общем, пути есть. Не только ЧТО, но КАК – в этом все дело. Не я сказал. Те, кто этого не понимают, оказываются в тупике.

«Но хлюпал всё жалобней маленький нос в своей непритворной печали...» (как будто по колодолбнам едешь!) – это уже из Кристины Стрельниковой, стишок про собачку,

которую сынок выпросил, а потом отказался с ней гулять. Опять же не больно оригинальный сюжетец. Ну и финал, ясное дело, не радует ни выдумкой, ни мастерством... «Гуляют с игрушкой они по субботам... и жмётся собачка к старушкиным ботам». Почему жмётся-то? Бьет старушка, что ли? Или чтобы жалостливее? Да ведь и так слезами обливаемся – и за собачку и за старушку, которая играет с игрушкой! А все небрежность ваша, Кристина. Поэзия – профессия. Надо уметь. Вы можете быть ведомы прекрасными устремлениями, но ничего они не стоят, если не умеете. И быть бы вам в нехорошей номинации, ежели не вот этот стих:

СОБАКА

– Ни за что! – сказала мама.
– Никогда! – сказала мама.
– Нипочём, – сказала мама, –
В дом собаку не пущу!

*У неё такие ноги,
Как ботинки дяди Гоги!
Если только... на пороге
Бутербродом угощу.*

*На спине её репейник,
Хвост напоминает веник.
Если только... ей ошейник
В магазине прикупить.*

*И глядит она уныло.
Вообще-то – это мило.
Если только... щёткой с мылом
В старом тазике помыть.*

*Но теперь ей надо греться –
Поскорее полотенце!
У неё так бьется сердце,
Хвост так жалостно дрожит...*

*Не пускайте сразу на пол:
У неё замерзнут лапы!
Пусть в любимом кресле папы
Сколько хочет полежит!*

А знаете, граждане, чем это стихотворение отличается от всех предыдущих? В нем есть жизнь! И все понятно! И без плюхов (разве «хвост так жалостно дрожит»). Именно поэтому именно на этом стихотворении мы въезжаем в номинацию «Здорово!».

*В Петербурге
ходит слух
о пропаже:
Папа
сына потерял
в Эрмитаже!
Пятый год
по эрмитажным
палатам
Бродит папа
и седым
и лохматым...*

*Он печален
и сурово
нахмурен –
Но зато
невероятно
культурен!*

Автор – Татьяна Фролова. Чувствуете, вы заулыбались (несмотря на «седым и лохматым»)? Тут вам не негремящее железо. Прозвучало настоящее поэтическое высказывание веселого человека, причем с интеллектом, который он не собирается прятать от детей.

А вот и Евгения Коробкова, которая пишет так свободно, что хочется сравнить ее с Олегом Григорьевым.

Посвящение Магнитогорскому металлургическому комбинату (ММК)

*Мы, на планете обитая,
Привыкли думать, что планета
Все получает из Китая,
Из сои, и из Интернета!
А вот и нет,
а вот и нет,
Не соя и не Интернет,
Магнитогорск китайцев круче.
Я видел сам, наверняка,
Из труб завода ММК
В мир поступают облака
И тучи!*

ПЛАСТИЛИН

*В коробке пластилина
лежала красота:
послушные брусочки,
все радуги цвета.
Мне подарили, ибо
мне исполнялось пять.
И я сказал «спасибо»
и начал вылеплять.
Я вылепить хотел
зверушек, будто в сказке,
Но только ничего я вылепить не смог
и я тогда схватил лепешки и колбаски
и все скатал в один коричневый комок.
Был папа очень-очень удивлен.
Он маме в кухню крикнул: Маша, глянь:
Был абсолютно новый пластилин,
А получилась редкостная дрянь!*

Ни натужности, ни сделанности, а уж тем более корявости. Обратите внимание на диапазон. От ММК до коробки пластилина. Нет границ. Невероятная дерзость для тех времен, когда мы начинали. Ведь был в издательствах в восьмидесятые годы запрет – не больше не меньше – на игровую поэзию. После того, как Сергей Михалков закопал О. Григорьева (говорят, серым кардиналом был другой, но триумфатор – он), из издательств повыбрасовали все игровое, и эхо долго еще шло. Ну а нынешним – играй не хочу. И мы

готовы наблюдать с восторженной завистью, как победительно они это делают. Например, Анастасия Орлова:

«ГРЯЗНЫЕ» ИСТОРИИ

*Целый день лежишь, Грязюка!
Не замучила ли скука?
Грязь, немного помолчав,
Отвечала чинно:
«Чав!»*

*Грязь под забором жила нелюдимая,
Тучная, мрачная, непроходимая...
Я познакомился с нею однажды –
Смело зашёл и потрогал отважно!
Грязь полюбила меня, как сынулю –
Самого лучшего в мире грязнулю!*

*Эх!
Прогулка удалась:
Отыскал такую грязь!
Пробежусь туда-обратно –
Мне – смешно,
И ей – приятно!*

*Сапоги люблю носить,
В них удобно грязь месить.
Тянет грязь сапог с ноги –
Тожe любит сапоги!*

Этот автор удивляет отличной отточенностью стиха, и ей удается естественная разговорная интонация. Знаете, от этих стихов исходит ощущение классики. Потому как классика – это КАК, а не КОГДА.

ВЕСНА НЕ НАСТУПИЛА

*Весна не наступила,
Не наступило лето,
А всё из-за обёртки,
А всё из-за билета,
А всё из-за скорлупки,
А всё из-за бутылки,
И дует зимний ветер
Тебе и мне в затылки.
Весна не наступила,
Не наступило лето,
Ведь было неприятно
Им наступать на это.*

А это была Галина Дядина. Легко, неожиданно, звучно. И особенная какая-то, настоящая печаль.

А теперь – Анна Игнатова:

ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ ФАНТАЗИЯ

*Вы слышали,
как вздыхают троллейбусы,
Подъезжая
к троллейбусной остановке?
Словно киты,
подобравши усы*

И мигая глазками при парковке...
 Они распахивают
 свои бока
 И набивают
 себе живот...
 Планктон пассажиров
 зайдёт пока,
 Кит-троллейбус
 стоит и ждёт...
 Потом, отъезжая,
 опять вздохнёт...
 А мне немного страшно и странно:
 Что, если он
 на проспекте нырнёт,
 А вынырнет -
 где-то среди океана?..

Не пойми какая поэзия у Анны Игнатовы – то ли детская, то ли взрослая. Нет выше оценки. Ну а если кто-то возмутится, что не для детей, сначала прочитайте это детям и послушайте, что они скажут. У нас за детей все решают – родители, торговцы, издатели, чиновники. Забывая, что ДЕТИ НИКАКИЕ НЕ ДЕБИЛЫ, и чем дальше катится двадцатый первый век, тем невероятнее и взрослее их переживания. В десять лет уже мальчики разочаровываются в жизни, когда девочка, которая еще утром согласилась с ним танцевать медляк на диске, вечером отказывается, потому что он что-то такое днем сказал, не подумав, и она больше не

хочет иметь с ним дело, а он рыдает полночи и назавтра просит прощения, и она прощает, но следующий дискач только через три дня, и она снова отказывает ему, потому что ей уже принадоела вся эта история (рассказ вожатого детского лагеря). И вы таким детям - про хохочущий трамвай, попавший в милицию? Нет уж, вы им давайте - про троллейбус, который выныривает среди океана.

Стихи Дины Бурачевской я, пожалуй, оставлю без комментария. Мы же договорились, что я вам доверяю.

МЫШИНОЕ

В час, когда ты крепко спишь,
 Все и происходит...
 Взрослый мыши и мыши-малыши
 Из норы выходят.

Благодать кругом и тишь –
 Вылезли наружу...
 Взрослый мыши и мыши-малыши
 Набрели на ужин.

От картошки кожюра,
 Два огрызка скользких –
 Все проходит на ура,
 Все идет на пользу.

В час, когда ты крепко спишь,
 Видя сон десятый,
 Взрослый мыши и мыши-малыши
 Жрут как поросята!

МУРАВЬИНОЕ

Я хожу осторожно,
 Страх в душе затая –
 Ведь нечаянно можно
 Раздавить муравья!

Мы для них – великаны,
 Разрушители гнезд,
 Ходим в разные страны
 И летаем до звезд...

Муравьиные точки
 Ручейками журчат,
 Сыновья их и дочки,
 И десяток внучат.

Им травинки – деревья,
 Им ромашки – дубы,
 Муравейник – деревня,
 Мхи – густые сады.

Люди тоже как точки,
 Если с неба смотреть.
 И холмы, словно кочки,
 И река, будто плеть...

Я хожу осторожно,
 Робко так семена,
 Ведь нечаянно можно
 Наступить на меня...

Поэты из номинации «Здорово!» – АВТОРЫ. Это значит, что они привносят в детскую поэзию нечто новое. Новую интонацию?.. Но уж больно это аморфное да и банальное

определение. Точнее будет – новое мышление. А еще правильней – новую поэзию, свою. Жаль, публикаций у них маловато.

Но за всех них – внимание! – постарался лидер книгоиздания среди «новых» Андрей Сметанин – около десяти книг, судя по резюме (к моменту выхода статьи их количество стопудово увеличится). Для него нам придется придумать единоличную номинацию - «Мир сошел с ума!» (Восклицание одного моего знакомого, который прочитал стихи Сметанина.)

В пробке застрял
 гастарбайтер-парнишка:
 Всё, на работе теперь ему крышка.

Ничо? Еще вот так:

..Нелегко, конечно, есть за всех на свете:
 Сколько же голодных на моей планете!
 Только почему-то мне за целый свет
 Не дают на завтрак чипсов и конфет?

В кайф пошло? Ну тогда получайте про Новый Год:

Папа рад
 И мама рада,
 Детям в радость Новый Год.
 Блещет ёлочка нарядом,
 Вкусный гусь в духовке ждёт.

Спать не буду до восхода,

Хорошенько развлекусь...
.....
Недовольны Новым Годом
Только ёлочка и гусь.

И как это все возможно, объясните? Как может быть не доволен Новым Годом вкусный гусь, который ждет в духовке? Мегаужастик! И почему не довольна елочка? А что касается парнишки-гастарбайтера и истории про чипсы и голодающих, я даже членораздельного вопроса сформулировать не могу. Только звуки. Ну а вот это что? «Я сегодня поломал Соковыжималку. Мама в гневе: Вот вандал! Ты давил в ней палку?! Я в ответ Лишь пропыхтел, Весь пунцово-розовый (!): - Я случайно, Я хотел Выжать Сок Берёзовый.»

«Весь пунцово-розовый» герой стихотворения наводит на подозрения, что у автора - спецаудитория, потому как дети такого цвета, засовывающие березы в соковыжималки, в свободном доступе обычно не встречаются. Но пора вам узнать, что пишет белорусский русскоязычный поэт про себя: «Член Товарищества детских и юношеских писателей Союза писателей России. Член Международного творческого объединения детских авторов. Участник Всероссийских литературных фестивалей «Молодые писатели вокруг «ДЕТГИ-За» 2009, 2010 гг. в Петербурге. Лауреат

Международных литературных премий «Золотое перо Руси 2010» и «Золотое перо Руси 2011» за стихи для детей. Лауреат международного литературного конкурса «Серебряный ручеек 2011» в номинации «Стихи для детей».

Можно, я выражусь определенно? Золотому перу Руси ни в коем случае не следует ничего писать. А детям категорически противопоказан его серебряный ручеек, дабы не увеличивалось число пунцово-розовых. Но он ведь будет писать. Десять книг – только разгон. Ручеек не иссякнет. Что с этим делать? Ничего. Тем более, другое государство. Белоруссия. Да и нет законов против изнасилования детей посредством стихов. Кое-что впрочем можно сделать. Предупредить всех, кого знаем: «НЕ ПОКУПАЙТЕ ЭТОГО ДЕТЯМ И ПЕРЕДАЙТЕ ПО ЦЕПОЧКЕ». Вот такое письмо несчастья.

А теперь посчитаем, сколько книг у членов номинации «Здорово!». Дина Бурачевская, Анна Игнатова, Евгения Коробкова, Анастасия Орлова, Татьяна Фролова, Галина Дядина... на всю номинацию столько же книг, сколько у автора шедевров про рафинад и чипсы.

Мне недавно рассказали, тет-а-тет, на областном совещании библиотекарей, как библиотекари в одном небольшом городе – не буду его на-

зывать по понятным причинам – потихоньку утилизируют не самым деликатным образом небезопасные для детей, на их взгляд (и на мой тоже), книги «национального» конкурса «Заветная мечта», который, слава Богу, скончался. Книги эти распространялись бесплатно и насильственно (каждая тиражом 150000 экземпляров, чтобы в каждую библиотеку – премия-то национальная!) Вандализм, конечно, ну а что делать? Так вот, насчет подобных премий – да Бог с вами, называйте все это хоть бриллиантовыми стразами Руси и вручайте исторгателям этих драгоценных ручейков хоть какие суммы, но перед тем, как ПЕЧАТАТЬ ЭТО, НАДО ЖЕ ВКЛЮЧАТЬ ГОЛОВУ! Чтобы библиотекари книги пропагандировали, а не утилизировали!

«Как странно! Как странно! Ну правда же, Странно? Кусок рафинада Исчез из стакана! Он взял И пропал, Без следа испарился. Но он же там был! Он же мне не приснился. Я видел, как папа Кладет его в чай. А вы не встречали Его невзначай?» Гастрономическая тема у Сметанина любимая. Причем исполняет он ее всегда с улыбкой. Ну в данном случае я хотя бы могу ответить на вопрос автора. Да, я не исключаю, что мог таки где-то встретить этот самый кусок рафинада, растворенный в чае и выпитый неким папой. И что? Хотите узнать,

Андрей, подробности об этой встрече? Интересно, сами-то вы ждете ответы на свои «улыбчивые» вопросы. Или просто так, для рифмы? И еще спросить хочу - вы представляете, к кому обращаетесь? Так вот – вы обращаетесь к сообразительным, интересно и сильно чувствующим людям. Только маленького роста. Но в смысле интеллекта у них все в порядке, Андрей! Не надо задавать им вопросы, не встречали ли они рафинад, который проглотил папа! И почему не дают чипсов и конфет тому, кто усердно ест за всех на свете, которые сами-то голодают! И еще сотни ваших улыбчивых вопросов, на которые либо нет ответов, либо мы не можем их напечатать по цензурным соображениям.

У меня, кстати, еще один вопрос к вам. И боюсь, без ответа. Почему вашу феерическую плодовитость (вы начали писать, как сообщается в одном из предисловий, в 2009 году!) так усердно поддерживают издательства? Некоторые из них даже заказывают вам книги тематические, решив, очевидно, что вам уже пора не только задавать вопросы, но и давать советы маленьким читателям. Вот выдержки из «Азбуки опасностей»: «Яркие флакончики и аэрозоли Девочкам и мальчики глазики мозолят. Просто вынуждают лично убедиться, Что же в них такое может находиться». Или... «И придется разрезать животы,

Чтобы не было страшнее беды. Очень, очень твердо знайте: Что попало не глотайте». Или... «Только баловаться чаем Шалостей не означает». Кстати, последний стишок на каком языке написан? Неужели на белорусском?

Слушайте, а может, дело все-таки не в вашем «златопером» и «серебряноручейковом» таланте, а в других, о которых мы не знаем? Может, вы гипнотизер и зомбируете редакторов? Или стегаетесь, и ждете только подходящего момента, чтобы объявить об этом и посмеяться над всеми нами? Или еще проще, вы - нужный человек? Бартерист? Не новость, конечно. Так бывало и раньше. Но это же не значит, черт побери, что так должно быть! Вон даже президенты с премьером вроде бы задумались (?), а не завести ли в России честную конкуренцию. Раз даже они, может, и мы? Ведь от духовной пищи, которая исчезает в детях, зависит, чтобы на выходе был не только результат переработки рафинада.

Шустрые завладевают миром. Наблюдаю это уже тридцать лет. Последние герои еще сопротивляются, но скоро золотые перья смоют их серебряными ручейками. Есть ли надежда? Есть. Андрей Сметанин бросит создавать детскую литературу, если станет важным человеком. Но тогда... он будет ею управлять, никак не меньше. А вреда точно больше.

А ведь есть надежда - родители. Те из них, которые друзья своим детям. Я помню по «Черной курице» и телепередаче «Хорошие книжки для девочки и мальчишки», которыми я руководил когда-то - родители звонили, писали, приходили, надеясь узнать, что читать их детям. И мы советовали. И от наших советов, в том числе, зависело, какие дети в результате получатся – пунцово-розовые или нормального цвета.

«Страниц паруса Наполняются бризом Историй талантливых, Полных сюрпризов. А я командир Экспедиции-чтения. Поплыли за мною Искать приключения!» - пишет Сметанин во вступительном стихотворении к одной из своих книг. Угрожает нам. Сюрпризами. Значит, рафинад – не финал.

А я даже предскажу ему немалую популярность после моей статьи. Уже бывало. Издатели начнут его жалеть. Да и приятно им заявить «У нас свое мнение! Что хотим, то и издаем! Мы тут рулим, а вы-то кто?» Вперед, ребята, наш мир у ваших ног! А знаете, что самое удивительное? Мои номинанты - сплошь участники совещаний молодых талантов и победители последних конкурсов! А теперь представьте, что творится в магазинах, где еще и самиздата полно?

Кажется, я тут устроил тут свой собственный конкурс. Честно, не

стремился к этому. Другая была цель – поддержать номинантов «Здорово!» К чему и приступаю. Помнится, один из активных графоманов восьмидесятых заявил: вы не детские писатели, это мы детские писатели, потому что у нас тиражи, а у вас?.. «Вы» были: Сергей Седов, Марина Бородинская, Артур Гиваргизов, Марина Москвина, Юрий Нечипоренко, Борис Минаев, Михаил Есеновский, Андрей Усачев, Олег Кургузов, Коля Ламм, Володя Друк, Ксения Драгунская, Сергей Георгиев, Тим Собакин... и не только они... Так что вы, новые и талантливые, но пока малотиражные писатели попадают в достойную компанию. И ваши прекрасные строчки, которые прочитают дети, останутся в них, и это даст им в будущем преимущества в смысле души и интеллекта. Именно за вашими стихами они увидят живого человека. И этот человек будет им интересен. И подвинет их, быть может, к творческому индивидуализму. И они поверят, что так можно. Значит, вы не зря стараетесь.

Пару лет назад я участвовал в чудовищной телепрограмме, которая должна была показать, что нет искусства для детей, а только культурный продукт (звездой программы был директор «Смешариков», их выдвинули тогда на государственную премию и под них-то этот слоган «культурный продукт» и подверстывался). «Сме-

шарикам нужны авторы, восклицал директор, мы перепробовали фиговую тучу, но нет, не тянут, и вот, приходится самим, ой-ой, пожалейте нас... Знаете, я эту ахинею слышал в восьмидесятые, потом в девяностые, и поныне - мол нет авторов, приходится работать с теми, кто есть. Ложь. Говорю вам как руководитель «Черной курицы», подготовивший к выпуску 600 книг, и как автор статьи «Авторская проза для детей. Бесшумный взрыв», да и других некоторых. Вот они, авторы, берите! И будьте компетентны! И честны! Но вы же не возьмете, я знаю. Культурный продукт – для вас самое оно. Малолетний пипл хавает эти пустяки. И вам легко. И родителям удобно: дети не задают вопросов. Не о чем спрашивать. Пустяковость безопасна.

Ну и финал статьи. Который не менее важен, чем финал детского стихотворения. Когда запретили игровую поэзию, казалось, это навсегда. Ничего не вышло. Потому что нельзя запретить свободу, по крайней мере, навсегда. А для поэзии детской живая игра – заводной механизм. И вот, стоя посреди того, во что превращается рафинад, давайте вспомним, что период распада этого «культурного продукта» короток. И на его месте неизбежно прорастет Искусство. Закон жизни, которая длиннее и сильнее смерти. Финал будет такой, вот увидите.

А. В. Давыдова

МИР КАК МЕТАФОРА В КНИГЕ СЕРГЕЯ БЕЛОРУСЦА «ПАРИКМАХЕРЫ ТРАВЫ»

М.: Самокат, 2011. – 368 с.

«Метафора – изобразительно-выразительное средство, основанное на переносе наименования с одного явления или предмета на другое явление или предмет по признаку сходства». Примерно такое определение мы найдём в любом словаре литературоведческих терминов. А в лирике поэта Сергея Белорусца, организатора фестиваля детской поэзии имени К. И. Чуковского, метафора является не просто частным приёмом, а основным принципом художественного мировосприятия:

*Гармонизирует друг с дружкой
Очень многое кругом:
Сходен цветом
Лист с лягушкой
Снег... Ну, скажем, с творогом...
Гармонизирует друг с другом
Очень многое вокруг:
Непохожи
Север с Югом,
С ночью день,
С квадратом круг...*

Стихи автора – это взгляд на мир, живущий по законам гармонии, где всё со всем связано, всё от

всего зависит, всё неповторимо и одновременно напоминает что-то... Куст крапивы – замечательного зелёного жирафа; газонокосильщики – парикмахеров; полевой – пастуха... Причём гармонию и близость поэт и мудрец С. Белорусец замечает даже в противоположностях:

*Уважаемые дети!
Есть гармония на свете.
Только разная она.
И случается
Кому-то
Отчего-то
Почему-то
Поначалу
Не видна...*

Автору же она видится не только в предметах и явлениях, воплощённых в текстах в метафорических образах, но и в словах, которые, впрочем, Белорусец воспринимает тоже как зрительные, образные феномены, а не просто наборы букв и звуков, несущие определённый смысл. Его поэзия – образец визуальной лирики. Неслучайно так органично прочитываются и просматривают-

ся вкупе со стихами поэта рисунки Ивана Александрова, развивающие традиции художника-конструктивиста 1920-х гг. Лазаря Лисицкого, одного из основоположников современного искусства и автора незавершенной книги для детей «Четыре действия», где цифры и буквы изображали необычных человечков.

Для Белорусца слово – это гармония внешней формы и смысла; а в языке слова, как и предметы и явления, которые они обозначают в жизни, – это метафоры друг друга, своеобразные отражающие друг друга зеркала. Наверное, поэтому так логично, что его тексты часто выстраиваются на таких взаимных словесных отражениях, «сходствах-несходствах», лексической гармонии: пульверизатор – пылевизатор; тритон – три тонны; хвост – восторг – хвосторг; крокодилица – крикоделица; лаборатория – рыболатория... При этом поэт соблюдает ещё один важный принцип авангардного искусства, без которого, кстати, и гармоничное восприятие мира тоже сложно представить: это закон «творчества и чудотворства». Возникает ощущение, что автор, явно поддаваясь модернистскому влиянию, проверяет возможности языка. Вспоминается герой рассказа В. В. Набокова «Облако, озеро, башня», который развлекал себя занятой игрой, проверяя,

насколько можно изменить границы фразы, чтобы она превратилась в свою противоположность. У Набоковского персонажа получалось из знаменитого тютчевского «Мысль изречённая есть ложь» – «Мы слизь речённая есть ложь». Сергей Белорусец в своих поисках превращает «пиджак» и «жакет» в некий идеальный «пиджакет»; «красоту» в «крысоту»; «долото и молоток» – в «долоток и молоток»; «злую перепёлку» – в «свирепёлку», а «пулемётчика» – в «пылемётчика». От этого мир становится не просто гармоничным и цельным, но ещё и необычным, уникальным, удивительным и нескудным. По-особому гармонируют у Сергея Белорусца не только слова и образы, но и жанры. Стихи в его книге можно разделить на «смехотворения» и «грустишия». В первых доминирует стихия комического, основанная на художественной игре. Это тексты-конструкторы, в которых ребёнок вместе с автором в знакомых словах ищет новые, в привычных жанровых формах детского фольклора, так востребованного в авангардном искусстве 1920-х - 1930-х гг. и более поздней игровой поэзии, открывает новое смысловое наполнение («Небывальщина», «Очень страшная сказка»). Читатель, чтобы понять текст, должен порой разгадать ребус-загадку («Про100

и100рия») и отличить одно слово от другого («Наука побеждать»). «Грустишия» – другие, в них побеждает лиризм, который рождается из размышлений автора не над смешным, а над серьёзным, над тем, что почему-то нельзя изменить, но что, несомненно, необходимо в жизни, а значит, по-своему прекрасно. Суетная улица оживает в одноимённом стихотворении (она не слышит лирического героя в «бегущей суматохе», наполненной таким криком, что кажется «разорвутся / Голосовые связки дня») и очень напоминает такую же равнодушную улицу из знаменитого стихотворения В. Маяковского «О чём плачут лошади». «Грустишия» – это вопросы. На одни из них у автора ответы находятся, как например, на вопрос одного из лирических персонажей – «Если мы с тобой – друзья,.. / Друг без друга жить нельзя?», он отвечает: «Можно. Даже нужно. / Ведь / Жизнь – не в дружбе только!». На другие не ответить никак. Так, нельзя объяснить одинокому Велосипеду из стихотворения «Знак вопроса», почему его бросил хозяин, который, возможно, просто вырос; или лирическому герою «Грустишия», откуда взялась его грусть и когда она уйдёт. И хоть ответы подчас и находятся, ни автора, ни читателя не покидает ощущение того, что и это необходимо: ведь взрослые бы никогда

не ощутили, какое счастье – детство, если бы не выросли; без грусти непонятно было бы, что такое радость, а не ощутив равнодушие улицы, нельзя в полной мере насладиться красотой «природодня». «Грустишия» помогают увидеть мир с другой стороны, как в стихотворении «Тёмным вечером»:

*Тёмным вечером
В окно я взгляну.
И увижу
Звёзды в нём
И луну.
А под этим
Невесомым огнём
Всё увижу
Не таким я,
Как днём.*

Следуя логике авторской метафоры, «смехотворения» соотносятся с «грустишиями» как день и ночь, наверное, поэтому они и чередуются в книге С. Белорусца, а не составляют законченные художественные циклы.

Таким образом, книга Сергея Белорусца «Парикмахеры травы» – одна из тех замечательных вещей, что не просто веселит, а по-настоящему расширяет горизонты сознания; гармония её образов, слов, художественных форм, словно медиатор помогает настроиться читателю на открытое, равновесное, творческое, несуетное и нескучное восприятие мира реального.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ: К 75-ЛЕТИЮ Л.Л.ФАДЕЕВОЙ

Первого октября 2013 года исполнилось 75 лет со дня рождения известного детского поэта Людмилы Леонидовны Фадеевой. «Вестник» подробно писал о ее творчестве в одном из своих выпусков. Сегодня мы поздравляем юбиляра с замечательной датой, а также с новым, пока неизданным сборником стихов.

В.Г.Сибирцева

О НОВОМ СБОРНИКЕ СТИХОВ ЛЮДМИЛЫ ФАДЕЕВОЙ «СОЧИНЕНИЕ ПРО ВЕСНУ»

Новый сборник стихов Людмилы Леонидовны Фадеевой – важное и радостное событие в области детской и юношеской литературы.

Стихи Людмилы Фадеевой известны детям и их родителям с 60-х годов прошлого века, благодаря публикациям в журналах «Мурзилка», «Костер», «Кукумбер», а также книгам издательств «Малыш», «Детская литература» и современных региональных издательских домов. Хотя огромные советские тиражи и потеряли несколько своих ноликов, а книги не всегда стали выходить за пределы Северно-Западного региона, Людмилу Фадееву нельзя назвать «незаслуженно забытым» автором. Ее произведения живут на просторах интернет-портала Стихи.ру, печатаются на сайтах для детей и их родителей (Беби-нюс, Трумпум-

пум, Солнышко и др.), с искренней любовью цитируются на страницах Живого Журнала и встречаются ВКонтакте, чудесным образом находят в районных библиотеках. В «Вестнике детской литературы» № 3 целый раздел был посвящен Людмиле Фадеевой, в нем было сказано много теплых слов об авторе и глубоко и подробно проанализировано ее творческое наследие.

«Сочинение про весну» открывает перед нами новые грани таланта Людмилы Леонидовны: стихотворения этого сборника рассчитаны на учеников средних и старших классов. Более того, они логически выстроены так, что читатель как будто растёт и постепенно взрослеет вместе со стихами, его интересы фокусируются сначала на школьных и личных событиях, потом на дружбе

и затем на первой юношеской любви.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление. В современной детской литературе для среднего и старшего школьного возраста поэзия представлена скромно. Есть хулиганские стихи, как у Артура Гиваргизова и Олега Григорьева, есть «жизненные» стихи Олега Бундура (а ведь это очень важно, как у акына: что вижу – о том и пою), есть масса безвестных дидактических стихов и стихов к праздникам. Но в седьмом, восьмом, девятом классе душа просит романтики... и стесняется этого. На помощь может прийти только классика, а школьная программа построена так, что читать классику «для себя» могут научиться немногие.

Стихотворения из новой книги Людмилы Фадеевой способны подготовить читателя к восприятию поэтов Серебряного века, современных лирических авторов, таких как Эдуард Асадов, Наум Коржавин и многих других, всех не упомянуть. Мастерство слова Людмилы Леонидовны проявляется в том, что она нигде в лоб не говорит о первых чувствах, а тактично, бережно описывает происходящее или внутреннее состояние лирических героев. Как встреча с задушевым другом, когда и слова-то не нужны, можно просто

посидеть рядышком и повздыхать каждому о своем, а на душе становится легче:

А мой «СЕКРЕТ» весь покраснел // И на меня глядеть не смел.

А я... я просто знать хочу, // Где дом её, // Окошко...

Дрожит отчего-то рука, // Веселое солнце // Смеётся в окне... // Не мне же записка!.. // А может быть МНЕ?!

И только в последней строке последнего стихотворения прорывается:

Просила я солнце: // «Поярче свети! // СЕЙЧАС МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДОЛЖЕН ПРОЙТИ!»

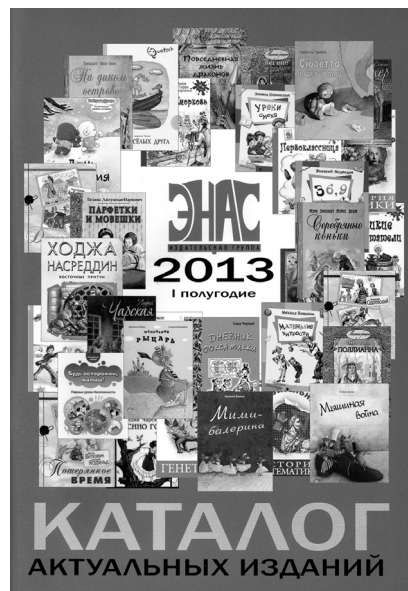
Но адресовано это уже повзрослевшему читателю, «прожившему» всю книгу.

В заключение необходимо упомянуть об «изюминке» книги. Приметы времени, там и сям разбросанные по сборнику (смска, тхэквондо, крутая мама), не кажутся искусственными и нисколько не мешают передаче подлинных, вневременных чувств. Они позволяют читателю ощущать себя на равных с лирическим героем, а автору – Людмиле Леонидовне Фадеевой, которая так чутко умеет недоговорить самое главное, – оставаться ровесником своих читателей уже не одно поколение.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

М.В. Иванкива, В.Ю. Чарская-Бойко

СЕРИИ «МИРОВАЯ КНИЖКА» И «МАЛЕНЬКИЕ ДЕВОЧКИ» ИЗДАТЕЛЬСТВА ЭНАС. КНИГИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И КНИГИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС.

Серии «Мировая книжка» и «Маленькие девочки» московского издательства ЭНАС имеют довольно строгую гендерную стратификацию. Переводы англоязычных авторов составляют существенную часть этих серий.

В Великобритании разделение литературы для детей на литературу для девочек и мальчиков происходит в Викторианскую эпоху (XIX век). Во многом подобное разделение определялось стремлением подготовить маленьких читателей к взрослой жизни. Подобные тексты должны были диктовать «правильный» мужской и женский типы поведения. Один из исследователей английской детской литературы того периода пишет: в этом делении сказалась разница социальных ролей, отведенных будущим мужчинам и женщинам, разница социального опыта, формирующегося уже в детстве: сфера мальчика – закрытая школа и подготовка к деятельности в обществе, сфера девочек – дом, семья и область чувств. Соответственно, темы и герои книг для мальчиков и девочек были разными.

Литература для мальчиков развивалась значительно активнее. Причина этого, как пишет исследователь Мартин Грин, заключается в том, что в середине XIX века произошло значительное изменение в восприятии культуры детства. Детская литература под влиянием важной роли армии в обществе, стала во многом литературой для мальчиков, сюжет которой строился вокруг Империи и ее границ». Исследователь имеет в виду поток приключенческой литературы, через которую, по его мнению, транслировались идеи империализма. Центральными персонажами книг для мальчиков были исследователи и первооткрыватели, военные и моряки, миссионеры – излюбленные герои викторианской литературы. Очевидно, во многом это связано с активным развитием колониальной политики Великобритании того времени. М. Грин объединяет все эти произведения в традицию приключенческой литературы, которая восходит к «Робинзону Крузо» (1719) Д.Дефо. Другое направление развития приключенческой литературы для мальчиков шло по пути развития традиций В.Скотта.

Круг чтения для девочек был гораздо менее разнообразным по сравнению с тем, что было доступно

мальчикам. Они могли читать сначала книги для самых маленьких, а затем те произведения, которые, по мнению их воспитателей и родителей, не могли их сбить с пути истинного. Хотя нужно отметить, что иногда с помощью, например, их братьев им оказывались доступны и более серьезные произведения. Если литература для мальчиков имела ярко выраженный приключенческий код, литература для девочек оказалась крайне клишированной и ограничивалась жанрами школьной истории (school story) и семейной драмы (domestic drama). Стоит отметить, что школьные рассказы изначально были адресованы мальчикам, ведь именно им гораздо раньше было доступно среднее образование.

Более активно литература для девочек развивалась в Америке, нежели в Великобритании. Элизабет Уорд, Кейт Уиггин, Элеанор Портер, Джин Портер, Элеанор Гейтс – лишь немногие яркие имена. В Британии это направление ожило только в 1880-е. Самыми яркими именами были Л.Т.Мид и Э. Эверетт-Грин. Первая стала родоначальницей жанра школьной истории. Ее первая книга «Мир девочек» (1886) задала тон для последующих романов этого жанра. Жизнь девочек в закрытых учебных заведениях и пансионах становится

центром повествования. Проблемы, взаимоотношения, взросление – все происходит именно в этом пространстве. Семейные драмы, как правило, представляли собой произведения о злключениях главной героини, которая в конце обретала счастье или надежду на счастье. Особой популярностью обладали те из них, в которых правильно сочетались романтика и духовный подъем. Один из самых известных викторианских авторов произведений подобного рода была Шарлотта М.Йонг (1823-1901). Книги для девочек также создавали такие британские романистки как М.Моулсворт, Дж.Г. Юинг, А. Сьюелл.

Парадоксально, что несмотря на то, что все книги были написаны в эпоху женской эмансипации, ни одна из писательниц в действительности не поддерживала образование и обучение как возможный жизненный путь для женщины. Многие из них называли высшее образование «ненужной прелюдией» к семейной жизни. С другой стороны, любовь и романтические отношения между полами также считались недопустимыми темами в литературе для девочек.

К настоящему моменту в издательстве ЭНАС вышли более двух десятков книг для девочек, сре-

ди которых «Поллианна» (1912) Э.Портер, «Маленькие женщины» (1868) Л.Олкотт, «Девичий мирок (история одной школы)» (1886), «Семь молоденьких девиц, или дом вверх дном» (1900) «Чудесный замок» (1904) Э.Мид-Смит и другие. Остается надеяться, что крайне специфическая, во многом идеологически направленная литература, ее проблематика и стилистика будут интересны современным маленьким читательницам.

Что касается произведений для мальчиков, стоит повторить, что в них более актуализирован приключенческий код. На данный момент в серии «Мировая книжка» вышло уже семь книг, среди которых «Приключения Тома Белли: Воспоминания американского школьника» (1870) Т.Б.Олдрич, «Приключения Пенрода» (1914) Б.Таркинтона, «Маленькие мужчины» (1871) Л.Олкотт, «Первые товарищи» (1911) Л.А.Чарской, «Юный капитан» (1901) Г.Олджера и Э.Стрейтмейера, «Приключения Тома Сойера» (1876) М.Твена и «Маленькие дикари» Э.Сетон-Томпсона. Как видно из перечисленных названий, несмотря на название серии, пока в ней представлены преимущественно классические американские авторы.

Из этих книг юный читатель может узнать многое об истории, природе, нравах и обычаях Америки и Канады. Среди главных героев не только сорванцы и проказники. Многие из них хорошо образованы и воспитаны, имеют строгие моральные и нравственные принципы, обостренное чувство справедливости. Но, несмотря на разное происхождение и условия жизни, все они отважные искатели приключений.

У всех персонажей серии, как и у их читателей, разные интересы. Одни из них мечтают о военной карьере, как главный герой «Юного капитана» Джек Риван, другие интересуются природой и жизнью индейцев, как герои «Маленьких дикарей». Каждая книга будет не только интересна, но и полезна, так как в них детально описаны интересующие мальчиков вопросы. Например, «Маленькие дикари» Сетон-Томпсона – это подробная инструкция о том, как стать настоящим индейцем, в которой рассказывается, как построить типи, как сшить индейскую одежду, как выжить в лесу, добыть

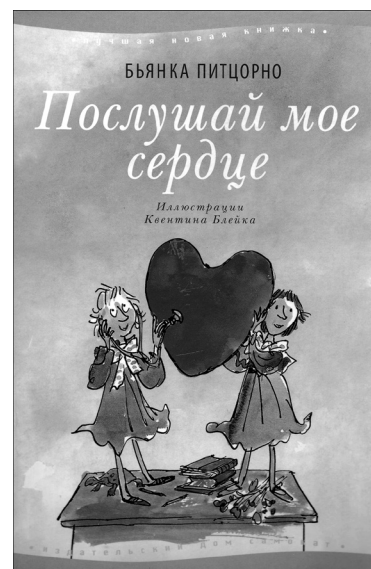
огонь без спичек, охотиться на различных птиц, животных и многое другое. Естественной средой обитания ребенка и подростка является школа, так что действия многих детских книг связаны именно с ней. Герои Олкотт и Чарской живут в разных учебных заведениях: частной школе и пансионе. Но самые главные уроки, которые они извлекают по ходу повествования, не связаны с общеобразовательными предметами. Как и другие герои серии «Мировая книжка», они учатся быть честными, благородными, верными, порядочными и сильными.

Представленные в данной серии книги относятся в основном к концу XIX – началу XX века. Но хочется верить, что они не потеряли своей актуальности. Современные мальчишки, в зависимости от того, где они родились и выросли, всё ещё интересуются индейцами, природой, охотой, военным делом, ну и, конечно же, хотят вырасти настоящими мужчинами. Именно этому и учат их книги для мальчиков серии «Мировая книжка» издательства ЭНАС.

В.Ю.Чарская-Бойко

«НЕУЖЕЛИ РЕБЕНОК НИКОГДА НЕ МОЖЕТ ПОБЕДИТЬ ВЗРОСЛОГО?»: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Б.ПИТЦОРНО «ПОСЛУШАЙ МОЁ СЕРДЦЕ»

Пер. с итальянского К.Тименчик. – М.: Самокат, 2011. – 368 с.

Итальянка Бьянка Питцорно необыкновенно популярна на родине, но удивительно мало известна за её пределами. Она родилась в 1942 году на острове Сардинии, изучала археологию и классическую литературу. Затем на протяжении многих лет делала детские передачи для телевидения и радио Италии в Милане. В 1970

году выиграла конкурс Швейцарских издателей для молодых читателей и издала первую свою книгу для детей. Писательница является национальным послом ЮНИСЕФ от Италии. Номинирована на премию Ганса Христиана Андерсена 2012 года.

Всего Бьянка Питцорно выпустила уже более 45 собственных книг и около 10 в соавторстве (переведены на французский, немецкий, испанский, греческий, польский, венгерский, корейский и японский языки), а также сценарии для театра и телевидения, стихи для детских песен. Питцорно пишет только для девочек и, соответственно, только о них. Её героини – это сильные, живые девочки-сорванцы.

Первым произведением Бьянки Питцорно, переведенным на русский язык, оказался роман «Послушай мое сердце» (1991), с которым к ней пришёл большой успех на родине и за рубежом. В Италии книга разошлась тиражом почти в 300 000 эк-

земпляров. В России роман вышел в издательстве «Самокат» в 2011 году в переводе Ксении Тименчик с оригинальными иллюстрациями Квентина Блейка.

Книга подробно описывает один учебный год из жизни трех подруг из Сардинии в начале пятидесятых (время, на которое приходится детство самой Питцорно). Десять глав – десять месяцев (сентябрь-июнь). Описываемые события могли бы произойти и в XIX веке и в современном мире, но по мнению автора, конец 1940-ч – начало 1950-х – важное время в истории Италии, ее «детство», которое отличали материальное неблагополучие и надежды на светлое будущее. В центре повествования три подруги: Приска (выдумщица и писательница), Розальба (художница) и Элиза (сирота). В начале учебного года они приходят в четвертый класс, где их встречает новая учительница (синьора Сфорца), которая оказывается «главным злодеем», воплощающим в себе все самое ужасное, по мнению маленьких героинь. Ее отношение к ученицам определяется не их заслугами, а социальным положением их семей: она закрывает глаза на ошибки девочек из влиятельных семей и постоянно (часто незаслуженно) наказывает нищих, придумывая для них с каждым разом все более

жестокие и унижительные наказания (заставляет мыть рот с мылом, остригает им волосы, бьет их линейкой с гвоздями).

Главная героиня Приска обладает обостренным чувством справедливости, что и заставляет ее и ее подруг начать подпольную войну против синьоры Сфорцы с целью показать всем, насколько она лицемерна и жестока. Каждый раз, когда Приска сталкивается с несправедливостью, ее сердце начинает отчаянно биться, как будто в знак протеста. Творчество Бьянки Питцорно вообще отличается чрезмерное внимание к вопросам нравственности. Ориентируясь в этом своем романе уже на детей среднего школьного возраста, она старается показать им неоднозначность таких очевидных для малышей понятий как «добро» и «зло». Одно из основных обвинений, которые выдвигают критики этого романа, заключается в том, что злодеи не получают в нем по заслугам. В конце девочки переходят в среднюю школу, а их родители в знак благодарности преподносят учительнице дорогой подарок. В середине романа Приска задается вопросом: «Неужели ребенок никогда не может победить взрослого?». Судя по тому, как разворачиваются события, ответ очевиден: не может. Здесь поднимается важная проблема

детской бесправности и зависимости от взрослых (родителей, опекунов, учителей).

Но в целом книга всё же оптимистична. Питцорно показывает, что, несмотря на ошибки и заблуждения, допускаемые людьми, жизнь идет своим чередом. Плохое забывается, боль проходит, появляются новые поводы для радости и возможности обрести счастье. Автору удастся избежать морализаторства: она максимально объективно (иногда даже до жестокости реалистично) ведет свое повествование. Она не учит, а показывает. Читатели же должны постараться сами извлечь урок из истории, которая случилась с тремя итальянскими школьницами в далекие 1950-е годы.

Питцорно обращается ко многим сложным, так называемым «взрослым» темам: социальное неравенство (богатство и бедность, благородное происхождение), уравнилельная система (отсылка к тем политическим устройствам, которые провозглашают «одинаковость» как основное качество своих граждан), жестокое обращение с детьми, человечность, лицемерие и пресмыкательство, последствия войны. Оказывается, что миры взрослых и детей настолько неразрывно взаимосвязаны, что то, что обычно считается делом только пер-

вых, оказывается актуальным и для самых маленьких. Нужно отметить, что, будучи левой феминисткой, Питцорно во всех своих произведениях критикует лицемерие, условности, стереотипы, обращается к сложным и противоречивым проблемам экологии, консюмеризма, политической коррупции, социального и расового неравенства.

«Послушай мое сердце» называют автобиографическим романом. Возможно, именно потому, что одна из главных героинь мечтает стать писательницей. Повествование об основных событиях постоянно перемежается вставными рассказами Приски, в которых она подвергает ужасным карам целую вереницу персонажей, чьи имена созвучны имени столь ненавистной ей учительницы – Арджии Сфорцы (Гарпия Смерца, Анаконда Сморца). Эти рассказы, безусловно, являются одним из основных достоинств романа, отличающего его от других книг для детей. Как будто автор, работая над ними, могла освободиться от довольно тяжелых основных событий и дать наконец-то волю своей фантазии и чувству юмора. Именно этот безудержный творческий полет, несмотря на затрагиваемые «больные» вопросы любого общества, позволяет ей остаться в рамках детской литературы.

А. В. Давыдова

«НАЧНЁМ, А ТАМ БУДЬ, ЧТО БУДЕТ» ИЛИ «ПРОЩЕ ПРОСТОГО – ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ!»: О КНИГЕ ПАЛА БЕКЕША «ГОРЕ-ВОЛШЕБНИК»

Пер. с венгерского Т.Воронковой. М.: КомпасГид, 2011

После прочтения повести-сказки «Горе-волшебник» венгерского писателя Пала Бекеша (1956 – 2010), созданной в 1984 г., а опубликованной в России в 2003 г., не покидает ощущение блистательной, лёгкой, захватывающей и автора, и читателя, на одном дыхании воспринимаемой импровизации, сравнимой, пожалуй, с кэрролловской «Страной Чудес». Словно автор, сочиняя, сам себе говорит: «Начнём, а там будь, что будет... Проще простого – очертя голову!». Но за кажущимися лёгкостью и простотой просвечивает скрупулёзная писательская работа: она и в тонкой игре с читателем и героями; и в виртуозном владении художественным словом; и в попытке разобраться вместе с ребёнком в сложной проблеме – природе чудесного.

Итак, по порядку о сложности простоты.

Пал Бекеш свою сказку-игру начинает неординарно, он не обманывает юного читателя, уже в первом предложении замечая: «Никаких

старомодных зачинов типа “жил-был на свете,” сразу приступаем к делу. Первое место действия нашей истории – школа волшебников, время действия – нынешнее, герой – Жужик Шуршалкин, дипломированный волшебник». Такое начало сразу же сокращает дистанцию между сказкой и современной жизнью, вписывает первую в действительность, без принятых экспозиций погружает читателя в самую гущу событий. Одновременно с тем автор намеренно расставляет с первых слов все важные смысловые акценты: получается, что то, что читает ребёнок – не привычная сказка, а условность, выдуманная история, у которой есть время и место действия, герой, критический (3 глава) и кульминационный (16 глава) моменты, обозначенные автором в заглавиях... Произведение превращается в своеобразный метатекст, в сказку о сказке, в попытку постижения героя-волшебника природы своего же собственного ремесла.

С такой художественной установкой писателя связаны и жанровые

особенности книги, которые также выстраиваются во многом по принципу игры. Первое, что вспоминается современному читателю и критику во время знакомства с повестью П. Бекеша, – сказка Дж. Роллинг о Гарри Поттере, хотя книгу венгерского автора нельзя назвать ни подражанием, ни пародией на «Поттера» уже потому, что свет она увидела на 13 лет раньше. И если книга Роллинг в жанровом отношении стоит на границе фэнтези и сказки, то Бекеш в этом смысле более традиционен: по характеру соотношения фантастики и реальности, по органичной включённости чуда в жизнь его книга ближе к жанру сказки. Одновременно автор использует сказочный материал и в игровом ключе.

Игровая природа текста П. Бекеша нашла своё отражение в жанровых пародиях. Утрируются образы традиционных сказочных героев: на карнавальные маски похожи шут и мудрец, проживающие в коммунальной квартире, на попугая – гофмейстер, словно это не живые персонажи, а марионетки. Автор иронично обозначает устойчивые сказочные сюжетные ходы и мотивы: Илюша-Кирюша, как привыкший к сказкам ребёнок, понимает, что ему просто необходимо спасти принцессу, победить злодея, чтобы стать всамделишным героем волшебной истории.

Пародируются в книге и другие жанры. Например, фольклорный жанр детской страшной истории: жутким Тарахтящим, Трескучим Троллем оказывается маленькая белая мышка, случайно попавшая в паровой котёл. Или фольклорные же пословицы и поговорки, которые в тексте заменяются высказываниями Великого Рододендрона: «Ловко управились, не хуже, чем злая мачеха с праздничной уборкой» или «Набросился, как дракон на горячую кулебяку». Или скороговорки: «Кавалеры королевы кувыркались на ковре, ковроделы, кто без дела, куковали на крыльце».

Жанровые пародии теснейшим образом связаны с художественными игровыми экспериментами автора. Так, одним из излюбленных приёмов П. Бекеша в книге является выстраивание ассоциативных рядов, которые отталкиваются от различных смыслов многозначных слов. Причём в ряду узуальных значений встречаются порой неожиданные и недетские метафорические. В классификации призраков, которую даёт Жужик, наряду с «духом какого-нибудь определённого места и бродячим призраком, полночным призраком и фантомом среди бела дня, миражом в пустыне» стоят «призрак коммунизма», «призрачный идеал», «идеальный дух» и «тень отца Гамлета». Подобные сло-

весные ряды ориентированы явно не только на детское восприятие. И если взрослые непременно оценят тонкую авторскую иронию, то ребёнку в книге обязательно придутся по душе комичные, похожие на игру в буриме заклинания горе-волшебника Жужика Шуршалкина и весёлые «говорящие» имена сказочных персонажей. Гофмейстер, больше всех героев похожий на кэрролловского Шалтая-Болтая, среди именитых гостей короля Сумбура Первого называет Внука Домодедовича Шереметьева П, Лу Чи-Хая, Мухаммеда аль Букка-Бяка, Менахема Знай Бен Наших и Конрада фон Небах-Небетховена. И это только небольшая часть приёмов языковой игры, которые делают чтение книги П. Бекеша увлекательным, весёлым занятием, погружают ребёнка в сказочную и творческую стихию.

Однако сама эта стихия в начале книги ставится под сомнение героем – мальчиком Илюшей-Кирюшей, который в сказку не верит. Даже Жужик, попадая в типовой спальный район современного города, начинает сомневаться в её существовании и постоянно удивляется происходящим чудесам (Братство проводов, участковые джинны). Он – герой исключительный в своей невезучести, которая выделяет его из общего ряда волшебников и приближает к людям.

Его профессиональная вера в чудеса и способность по-детски им удивляться помогают герою сотворить настоящую, всамделишную сказку для Илюши-Кирюши: «Что там какой-то дракон по сравнению с непробиваемо железной дверью, что такое каморка в башне в сравнении с квартирой на десятом этаже, полная опасностей пещера рядом с неисправным лифтом, а злобный чародей и чёрный маг по сравнению с Тарахтящим Троллем?»

Благодаря авторской игре так и неясно, реальна ли эта сказка или просто придумана героями, ведь время действия солидной по объёму и насыщенной событиями повести – всего одна ночь, а место действия – типовая многоэтажка на окраине города.

Приключения, произошедшие с Илюшей-Кирюшей, сделали для него волшебство и сказку настоящей; собственный опыт в финале подарил Жужик уверенности в себе и своём предназначении. Вспомним фразу горьковского Луки: «Что испытал – в то и веришь. Во что веришь – то и есть». По сути задача Жужика и автора – чрезвычайно сложная, гносеологическая: сделать так, чтобы современный ребёнок – скептик и «знайка» опять поверил в сказку. А для этого мало чуда «со стороны» – чудо (спасти принцессу и целое королевство) нужно сотворить самому. Главное – начать... «очертя голову».

М.В.Иванкива

ОСМЕЛЮСЬ ЛИ Я ПОТРЕВОЖИТЬ ВСЕЛЕННУЮ?: РЕЦЕНЗИЯ НА РОМАН РОБЕРТА КОРМЬЕ «ШОКОЛАДНАЯ ВОЙНА»

М.: Розовый жираф, 2012. – 248 с.

В 2012 году в серии «Вот это книга!» московского издательства «Розовый жираф» вышел роман американского писателя Роберта Кормье (Robert Cormier, 1925-2000) «Шоколадная война» («The Chocolate War»). Согласно аннотации, «данная серия адресована не только детям – подросткам от 10 до 18 лет, но и их родителям. В нее входят книги, которые не забываются сразу после прочтения».

В свое время (роман был издан в Америке в 1974 году) «Шоколадная война» была запрещена для распространения в нескольких библиотеках США и до сих пор занимает место в первой десятке запрещенных или подвергаемых цензуре книг. Причин тому несколько. Во-первых, использование сниженной и ненормативной лексики. Во-вторых, описание сцен сексуально характера (крайне немногочисленных и по меркам нашего времени вполне пристойных). В-третьих, тематика романа, о которой мы скажем ниже.

Вместе с тем, «Шоколадную войну» называют одной из наиболее сильных книг о/и для подростков.

Романы для подростков (Teenage novels) – относительно современный феномен, который зародился и локализовался в Америке (ни в Британии, ни в других англо-говорящих странах это направление практически не представлено). Развитие жанра было тесно связано с историей Америки XX века. До середины XX века подростки читали популярную классику (Диккенса и Скотта, например). Первые романы для подростков появились между двумя Мировыми войнами, когда такие писатели как Стивен Мидер, Флоренс Минс и Джон Тьюнис сознательно адресовали свои произведения молодым людям от 13 до 19 лет.

На рубеже 40-50-х, в 1951 г. выходит роман, который во многом изменил представления о нормах и формах литературности, и стал началом «новой волны» романов о

подростках. Это был роман «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. 50-е выдвинули новый критерий индивидуальной и социальной состоятельности – респектабельность, остались в истории как «век конформизма» и «молчаливое десятилетие» и сформировали нового литературного героя – подростка, ищущего себя в новом мире. Главный конфликт романа – поиск сущностного. Через то, что главный герой и нарратор Холден Колфилд не принимает, мы выявляем то, что объективно присутствовало в жизни 50-х.

На смену «веку конформизма» пришли 60-е и выдвинули новые тенденции в американской литературе: тема жизни среднего класса, который не стремится встать в оппозицию и пролагать новые пути, но, все же, осмысляет свое положение и рефлексировать. Героем становится маленький человек, ничем не выдающийся, который страдает и не добивается в жизни успеха. Вместе с тем 60-е становятся временем рождения контркультуры, которая выразилась в литературе лишь на уровне тем и мотивов разрушения и протеста против буржуазности, так как собственно левые в литературе ничего не создали. Многие писатели, прочитавшие в свое время «Над

пропастью во ржи», создают своих Холденов Колфилдов. Джон Donovan, Барбара Версба, Пол Зиндел, Изабелл Холланд, Джуди Блюм, Бетси Бьярс – это неполный ряд американских писателей, которые писали о подростках и для подростков в 1960-е. Однако их романы, по мнению исследователей, мало чем отличаются друг от друга. Клишированный тон повествования этих «имитаторов Сэлинджера», схематичность и заданность развития персонажей, ограниченный круг тем (родители, первая любовь, сексуальность, смерть близкого) делает их мало отличимыми друг от друга.

Роберт Кормье, журналист из Массачусетса, писал для взрослых, но примерно в это время начал писать для подростков. На фоне своих современников, как отмечают критики, его произведения смотрятся гораздо драматичнее, убедительнее и более выигрышно.

«Шоколадная война», написанная в 1970-е годы, обозначившиеся неоконсервативными настроениями, соединяет в себе темы предыдущих десятилетий и подводит своеобразный итог, пусть промежуточный (в 80-е Кормье написал продолжение романа). «Шоколадную войну» можно рассматривать в традиции подростковых романов.

Одновременно это произведение крайне социальное: в нем описаны модели среднего класса Америки с их идеалами, нормами, конформистскими линиями поведения. На метафорическом уровне он может быть интерпретирован как авторское осмысление фашизма, крайне популярная тема в американской послевоенной литературе. На поверхности же это очень простая история из школьной жизни.

Действие романа происходит в американской частной католической школе для мальчиков «Тринити». Отец Леон, который временно занимает место директора школы, пока тот лежит в больнице, планирует собрать для школы деньги, продавая шоколадные конфеты. Он заручается поддержкой секретной школьной организации Стражей, во главе которой стоит Арчи Костелло. Но их план становится под угрозу, когда девятиклассник Джерри Рено отказывается продавать шоколад. В результате в школе развязывается война, в которую оказываются втянуты каждый – от школьников до директора. Кормье задает вопросы себе и читателю: как личность становится толпой?; где граница между бездействием и участием в насилии?; в чем смысл бунта?

Герой романа, Джерри Рено, обычный мальчик 14 лет. После смерти матери он живет с отцом в небольшой квартире, ходит в школу и играет в американский футбол. Волей заведенного в школе порядка он оказывается в ситуации насилия. В его действиях в начале романа нет бунта или вызова. Отказываясь от продажи шоколада в первый раз, он лишь выполняет злое задание, которое дают ему Стражи. Он существует в абсурдной ситуации реальности школы и ее порядков. Десять дней испытания даются ему нелегко, и он с нетерпением ждет конца. Но то, что он переживает за это время, его наблюдения за школьной жизнью, мысли о смерти матери и размышления о жизни, ее ценности и наполненности смыслом заставляют героя продолжить «игру» после срока, установленного Стражами.

Джерри много думает о своих родителях, в особенности об отце и его работе в аптеке. Проблема поколений – частая тема в романах о подростках – имеет у Кормье с экзистенциальный смысл. Мотив выбора и свободы выбора становится центральным вопросом для героя. Случайная встреча с хиппи на автобусной остановке заставляет его задуматься об абсурдности существования и толкает на бунт.

«Неужели жизнь у людей настолько скучна, настолько сера и однообразна? Ему противно было думать о такой перспективе, о том, что и перед ним простирается долгая череда дней и ночей, которые нельзя назвать иначе как нормальными: не плохими и не хорошими, не паршивыми и не замечательными, не интересными – никакими. /.../ Может он несправедлив к своему отцу? И к себе? Разве все люди не разные? Разве у человека нет выбора? /.../ Ему не хотелось быть отражением отца. При одной мысли об этом его пробирала дрожь. Я хочу сделать что-то, стать кем-то! Но что! Кем?» В школьном шкафчике Джерри висит картинка со словами Элиота: «Осмелюсь ли я потревожить вселенную?» Не понимая до конца значения этих слов, мальчик тревожит вселенную, заявляя на очередном общем школьном собрании: «Я Джерри Рено! И я не буду продавать конфеты!» Бросив этот вызов миру, он как бы вырывается из мира абсурда. Возникает коллизия столкновения свободного человека с иррациональной машиной, которая убивает личность. Частью этой машины становится каждый, ведь «так легко – слиться со всем остальным классом, чтобы не надо было каждое утро выдерживать взгляд этих ужасных глаз».

Использую минимальные выразительные средства – его стиль предельно описательный, фиксирующий детали, которые превращаются в сильные, запоминающиеся, с небольшими зарисовками психологического ландшафта персонажей – Кормье создает гнетущую атмосферу загнанности, тревоги, подавления. Его взгляд на мир трагичен и безнадежен, он не верит в гуманизм и добрую волю человека. Общим мотивом многих его произведений становится потеря подростком своей чистоты и невинности под давлением мира, где правит кулачное право, малодушие и лицемерие. В конце романа Джерри, став козлом отпущения, испытав физическую боль, колоссальное психологическое давление, насилие, оказавшись в положении затравленного зверя, отвечает для себя на вопрос Элиота...

Читать «Шоколадную войну» сложно, но необходимо. Хотя бы для того, чтобы ответить на вопрос, нужно ли тревожить вселенную? Роман Кормье нередко сравнивают с «Повелителем мух» Уильяма Голдинга. Действительно, произведения во многом схожи и поддаются сравнительному анализу, который теперь стал возможен и для русскоязычного читателя.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

А.Н.Гаврилов

ПРОЩАЙ «ИСКОРКА»..., ЗДРАВСТВУЙ «ИСКОРКА»!

– Каждое начинаемое дело требует разработки системного подхода, – говаривал мой приятель, талантливый конструктор и любитель вкусно поесть, оглядывая накрытый стол.

Поэтому, прежде чем взяться за перо, я извлёк из архива журналы

«Искорка» и, разбирая их, стал искать этот самый системный подход. Однако сразу же обнаружил, что в архиве отсутствуют журналы Ильи Туричина, который был первым редактором-составителем «Искорки». Кроме того, отсутствуют журналы времён, когда редактором-составителем после Туричина стал Вольт Суслов. Причин этому несколько, но не будем на них останавливаться, а займёмся журналами, которые редактировала Дора Борисовна Колпакова.

Она пришла в журнал из Детгиза и, кстати, имела одно, но весьма существенное, преимущество перед предыдущими редакторами-составителями. Она не была писателем и любила не себя в литературе, а любила литературу. Детскую. В журнал пришёл профессиональный редактор. Суровый, бескомпромиссный, талантливый.

А теперь настало время сказать о системном подходе: я отобрал не-

сколько журналов, начиная с 1978 года и до 1992 года. То есть до последнего года его существования. Именно в этот период журнал был назван одним из самых престижных журналов Ленинграда. Так назвал журнал поэт Александр Кушнер и я надеюсь, что он не шутил.

Итак, по этим отобраным «Искоркам» и будем судить о журнале, его редакторе, авторах, читателях и вообще.

Для начала нарушим систему и начнем с январского журнала за 1987 год. И вот почему. Это юбилейный номер. «Искорка» отмечает своё тридцатилетие. На первой странице обложки художник Т. Ясинский (талантливый иллюстратор весёлых книг для детей) изобразил «Искорку», взлетающую с трамплина своего тридцатилетия. На второй странице обложки фотография первого номера журнала за январь 1957 года. Скромная обложка с фотографией трёх школьников на фоне памятника Ленину, что стоит у Финляндского вокзала. Рядом с первой обложкой – фото журналов через десять лет после первого номера, через двадцать и двадцать пять лет. Поскольку нами выбран юбилейный номер журнала, следует привести выдержку из шутливой заседания редколлегии:

*«Слово взял её родитель -
Самый первый составитель,
Тот, кто начал от нуля.
Он усат и симпатичен,
По фамилии Туричин,
А по имени Илья:*

– Должен вам сказать, дорогие друзья, что как раз сегодня «Искорке» исполняется тридцать лет. Тридцать лет назад главным редактором газеты «Ленинские искры» была Мария Степановна Зыкова. Она и стала редактором только что родившейся «Искорки». И вы знаете, кого пригласила «Искорка» в первый номер! Михаила Дудина, Сергея Михалкова, Сергея Орлова, Александра Прокофьева, Аркадия Минчковского, юнкора Сергея Макарова. На её страницах печатались люди умные, добрые, весёлые, талантливые...

Не отметить ли нам юбилей торжественным заседанием редколлегии!». Кто же был в ту пору членами редколлегии журнала? Кто провёл это весёлое заседание? Кто его нарисовал?

Члены редколлегии: Николай Внуков, Лев Гаврилов, Константин Курбатов Борис Никольский, Вольт Суслов, Анатолий Томилин, Илья Туричин. А иллюстрировал весёлые истории, рассказанные на этом со-

вершенно несерьёзном заседании, прекрасный художник Михаил Беломлинский.

Ко всему этому следует добавить, что редактором «Искорки» и главным редактором газеты «Ленинские искры» стала Н. Чаплина. Её «Драматические сцены из школьной жизни» следуют сразу за шуточным заседанием. Кто-то может ехидно заметить, что бескомпромиссный редактор напечатал своего начальника. Не устоял! В ответ на такое замечание скажу: «Да, не устоял! И правильно сделал. Ибо это взгляд на школу из учительской. О непросто́й доле школьного учителя. А так как я всегда был учительской бедой, то если бы я прочёл эти «Сцены» в то время, когда меня выгоняли из школы, то, может быть, вёл себя иначе».

Далее следуют: очерк о революции 1905 года, что естественно, поскольку это январский журнал 1987 года, и рассказ Бориса Ровда о сенсационной находке архитекторов-реставраторов Эрмитажа под названием «Тайна петровского дворца». Эти очерки вполне серьёзные, а поэтому интересны и взрослым, которые тоже выписывали «Искорку».

Доказательством того, что в журнал принималась только добро-

качественная литературная продукция, служат стихи Олега Тарутина «Что я видел в Эрмитаже». Через год после публикации в «Искорке» издательством «Детская литература» была издана книга «Что я видел в Эрмитаже» с рисунками школьников из изостудии Эрмитажа. А в 2011 году в издательстве «Детгиз» эта книга Олега Тарутина вышла с яркими иллюстрациями художника Александра Аземша. К тому времени Олег Тарутин, геолог по образованию, поэт удивительного таланта, к сожалению, ушёл из жизни. Ушёл, не понятый взрослым читателем, но радушно принятый детским. Кстати, редактором этой книги стала Дора Борисовна Колпакова.

Пойдём дальше. После двух индийских сказок поэт и сотрудник музея А.С. Пушкина Татьяна Галушко, ведущая рубрику «Пушкинский календарь», рассказывает об Александре Радищеве, его поэме «Вольности» и Александре Пушкине и его поэме «Вольность». Это не просто рассказ – это исследование, доказывающее, что Пушкин был идейным наследником Александра Радищева. Январь для нашего города – месяц прорыва и снятия блокады Ленинграда, это отмечено в журнале двумя стихотворениями Олега Цакунова и В. Шермушенко. Вот

что написано в предисловии к этим стихам: «Верная своим традициям, «Искорка» каждый год в январе переводит своих читателей в незабываемые дни ленинградской блокады. Вот и сегодня мы переводим стрелку шкалы времени на 45 лет назад. Перед нами Ленинград. Блокада. Страшный январь 1942 года».

Конечно, авторы стихов вспоминают о своём блокадном детстве. О.Цакунов - о ночной блокадной сказке, рассказанной няней во время бомбежки ребятишкам в детском саду, а В.Шермушенко - о кокосовом орехе, привезённом когда-то дедом - командором крейсера «Олег». Из этого ореха сварили кашу. Тому, кто усомнится в возможности такого превращения, скажу, что в ту зиму по карточкам давали кокосовую то ли муку, то ли крупу, и мы с мамой тоже варили кокосовую кашу. Далее следует продолжение «Большого кругосветного путешествия на воздушном шаре» о последней экспедиции капитана Лаперуза.

Большое место в журнале занимает киноповесть Льва Кукулина «Пара дуэльных пистолетов». Лев Кукулин - известный поэт, автор многих живущих по сей день стихов и песен, рассказал о школьном конфликте, который без дуэльных пистолетов разрешить было невозможно.

Остались две последних рубрики: «Калейдоскоп коллекционера», интересный не столько марками и монетами, сколько историями их появления и «Клуб смекалистых ребят» с кроссвордами, шарадами и ребусами. Некоторые составлены школьниками, читателями «Искорки». На четвёртой странице журнала Юрий Буковский предлагает читателям кроссворд «Листая «Искорку». Тираж журнала в январе 1987 года - шестьдесят тысяч. Итак, что же мы узнали?

«Искорка» - это не просто название журнала, а действующее лицо в некоторых его рубриках. «Искорка» - это журнал со стихами и прозой известных писателей, а также журнал серьёзно и интересно откликающийся на исторические события в стране и в мире. Именно серьёзно и интересно! Школьники не любят, когда к ним обращаются «как к маленьким». Работа редактора в ту пору - дело непростое, потому что «Искорка» - Орган Обкома и Горкома ВЛКСМ, Ленинградского Совета пионерской организации имени В.И. Ленина и ежемесячник газеты «Ленинские искры». Когда начальников много, работать трудно. И, наконец, последнее - юные читатели журнала порой становятся его авторами.

А теперь вернёмся на девять лет назад. «Искорка» за декабрь 1978 года поздравляет читателей с Новым годом, затем очерк В. Островского «Старое лётное поле», где речь идёт о гатчинском аэродроме, о А.Ф.Можайском, о первых российских лётчиках и, конечно, о военлётке Валерии Чкалове. А вот и новая для нас рубрика - переводы. Александр Крестинский представляет стихи белорусского поэта-партизана Марка Смараговича. Отрывок из повести известного детского писателя Юрия Томина «Карусели над городом» даёт право предположить, что и в остальных отобранных мною журналах есть либо отрывки из произведений, либо они будут публиковаться в журнале целиком с продолжением из номера в номер.

Безмерно талантливый поэт Глеб Горбовский, который поразил меня строкой:

Крокодилы ходят лёжа...

подарил читателям «Искорки» два лукавых стихотворения. С Глебом Горбовским мы знакомы с того вечера поэзии в Политехнического институте в 1955 году, где выступали студенты ленинградских вузов. Глеб выступал от имени горняков,

в то время он состоял в Лито Глеба Семёнова, а я от Военмеха. С первых стихов Горбовского было ясно: это будет замечательный поэт. То есть поэт, к творчеству которого всегда много замечаний. У власти. К четвёртой его книге, изданной в Лениздате, у власти было столько замечаний, что редактора книги, моего друга Бориса Друяна, чуть не уволили с работы. Среди множества книг Глеба Горбовского есть и книга стихов для детей, изданная в XXI веке Детгизом. Опять же, кстати, редактором этой книги стала Дора Борисовна Колпакова.

Затем - африканская сказка, а следом за ней стихи Валерия Шумилина о расстреле ленинградцев у реки Горькая Балка на Ставрополье. И снова сказка. На этот раз лауреата премии Ханса Кристиана Андерсена, прекрасного детского писателя Радия Погодина «Про зверя Индрика». Это продолжение известной книги Радия Погодина «Про жеребёнка Мишу и мышонка Терентия».

В 1942 году этот весёлый, добрый сказочник, автор сценариев фильмов, пьес и книг в семнадцать лет ушёл на фронт. Командир взвода разведки, награждённый двумя орденами «Солдатской Славы», двумя орденами «Красной Звезды»

закончил войну в Берлине. Радий Погодин был несправедливо осуждён, лишён всех наград и только когда он стал известным писателем, справедливость восторжествовала, Погодину вернули награды. В тот день мы встретились в Доме писателя, он вынул ордена, положил их на стол и заплакал. А это был человек крепкой закалки.

В приключенческой рубрике - «Трубка пирата» Александра Иванченко. Продолжение. Начало в шестом номере журнала. Не кажется ли вам, что начинает проясняться система построения журнала? Что у редактора-составителя есть свой системный подход?

Как всегда великолепен Николай Сладков в рассказах о наших братьях меньших. «Зимние радости» - так назвал он эти истории. Фельетон будет частым гостем на страницах «Искорки». В этом номере фельетон В. Николаева «Встречают по одежке». О чем в нём речь - понятно из названия. А вот В. Николаев - это псевдоним Вольта Суслова.

Оказывается, журнал объявлял конкурсы. В последнем номере 1978 года подводятся итоги конкурса острословов, награждён победитель и дана возможность желающим юным острословам попытать счастья до февраля 1979 года. В конце

журнала - три познавательные рубрики: «Самое - самое», «Пёстрые заметки» и «Знаешь ли ты, что...».

Согласно системному походу, следующим выбран июньский журнал за 1979 год. Весь журнал посвящен Александру Пушкину. Большинство авторов - поэты: Михаил Дудин, Александр Кушнер, Олег Тарутин, Глеб Горбовский, Татьяна Галушко, Герман Гоппе, Владимир Торопыгин. Бесспорно, в журнале речь идёт о судьбе поэта, его друзьях, его времени, о последнем портрете поэта. Но судьба Александра Сергеевича известна, поэтому я хотел бы сказать о судьбе некоторых авторов «Искорки».

Владимир Торопыгин, комсомольский поэт, успешный и в поэзии, и в карьере. Я пришел к нему в редакцию газеты «Смена», где он заведовал, по-моему, молодёжным отделом. Торопыгин укорял меня, говоря, что одни стихи - подражание Северянину, а другие - Бальмонту. Но я по вполне понятным причинам не знал стихов этих поэтов, а, значит, не мог им подражать. Было это в 1955 году. Однако Торопыгин выбрал одно «неподражаемое» стихотворение и оно было опубликовано в «Смене». До того дня я печатался только в «Ленинских искрах». После «Смены» Торопыгин стал редак-

тором «Костра», а затем редактором «Авроры». После опубликования в «Авроре» стихотворения Нины Королёвой о расстреле царской семьи Владимир Торопыгин был снят с работы, хотя публикация случилась во время его отсутствия в городе. Через некоторое время мы встретились, и поэт сказал, что у него обнаружили инфаркт легкого. Решили подождать год. Через год обнаружили онкологию. Так что работа редактора журнала не только интересна и трудна, но и опасна для здоровья.

Александр Кушнер и Татьяна Галушко были в ЛИТО при журнале «Нева», которым руководил Николай Леопольдович Браун. Он с доброй улыбкой приглаживал наши поэтические вихры, но это редко помогало. Перед началом передачи «Телевизионный клуб молодёжи», где я вёл секцию поэзии, ко мне подошёл Александр Кушнер и сказал, что он хочет прочесть стихотворение, которого нет в сценарии передачи. В чём только не обвиняли Сашу после этой передачи! Даже в абстракционизме.

Александр Кушнер первым среди поэтов-шестидесятников ушёл с работы. Он преподавал в школе. Ушёл и написал стихотворение, которое заканчивалось так:

*Учитесь сами, дураки,
Я больше вам не нужен.*

Сегодня Кушнер, когда-то постоянный автор «Искорки», выдающийся петербургский поэт.

Татьяна Галушко была красивой, весёлой и писала гордые стихи. Во время «Лермонтовских чтений» в Тарханах Владимир Солоухин, представляя участников этого поэтического праздника, сказал, что» все они талантливы, а самая умная - Таня Галушко. В ту пору она уже серьёзно болела. В книгу «То время, эти голоса», её составитель Майя Борисова включила стихи Татьяны Галушко, когда её уже не было.

Надо отметить, что «Искорка» всегда отмечала юбилейные даты своих постоянных авторов, делалось это не только для того, чтобы уважить писателей и журналистов, но и для того, чтобы юные читатели узнавали поближе тех, кто постоянно для них пишет в журнал.

Наверное, очень важно, насколько журнал честен перед читателями. Именно за честность журнал выписывали взрослые. Однажды мне принесли подшивку «Искорок» люди, у которых не было детей.

Фёдор Абрамов и Николай Сладков говорили мне, что правду о войне не напишут никогда, а если

напишут, то никто её не напечатает. В одном из отобранных мною журналов напечатан очерк «Правда сержанта Медведева». Студент ко- раблестроительного института, призванный в 1939 году в армию, всю войну вёл записи. Я держал в руках блокнотики фабрики «Светоч». На плохой бумаге карандашом Борис Медведев писал правду о войне. Он возил эти блокнотики с собой и во время отступления, и во время наступления, но никогда, даже после войны, никому их не показывал. Правда о первых трёх днях войны на приграничном аэродроме была опубликована в «Искорке», а много позднее в журнале «Нева».

Не в каждом журнале есть предложение: «пишите нам письма». А в «Искорке» такой раздел был. Назывался он: «Искорку спрашивают - Искорка отвечает». Чаще всего спрашивали юные читатели. В июньском номере журнала за 1985 год ученик четвёртого класса спросил: «Куда надо поступать, чтобы быть лесником?». На вопрос ответил декан лесохозяйственного факультета Лесотехнической академии. Ответил серьёзно.

Однако были вопросы, ответы на которые не публиковались. Чаще всего такие вопросы задавали люди далеко не юного возраста.

Один из таких читателей спросил, почему в рассказе, где происходят события в военное время, расплачиваются сторублёвкой? Сторублёвок тогда не было! Пришлось найти нумизмата, сделать фотографию банкноты «десять червонцев» и отправить её читателю.

В заключение этого исследования журнала «Искорка» заглянем в апрельский номер журнала за 1992 год. Во-первых, изменился формат. Журнал стал почти вполнину меньше, поэтому выглядеть он стал взрослее. Однако, на обложке под названием журнала появилась приписка: «Журнал для детей». Приписка, на мой взгляд, вредная. Впрочем, и этот номер журнала следует лучшим традициям «Искорки». Но тираж – 30800 экземпляров.

Итак, у школьников до 1992 год был журнал, который любили и взрослые, и юные читатели. Поэтому расставание, смею вас уверить, было горьким. И тем, кто приложил к этому руку, должно быть стыдно.

Дора Борисовна Колпакова после «кончины» «Искорки» работала с ребятами в Школе искусств на Васильевском острове. Я бы назвал это школьным литературным объединением. Здесь проводились

поэтические конкурсы, в жюри которых Дора Борисовна приглашала постоянных авторов «Искорки», здесь создавались сборники стихов и прозы школьников. В Детгизе издавались и издаются книги постоянных авторов «Искорки». Составитель и редактор этих книг – Д.Б. Колпакова.

Прощаясь с «Искоркой» XX века, следует сказать, что она не минула в Лету. Каждый, желающий полистать её страницы, может найти «Искорку» в интернете. Возрождение «Искорки» произошло в XXI веке по инициативе писателя Юрия Буковского. По формату и объёму журналы одинаковы. Новая «Искорка» следует всем традициям своей славной предшественницы. Правда, есть некоторые различия. Журнал стал называться «Санкт - Петербургская Искорка». Он одет в гляцевую обложку и напечатан на хорошей бумаге. Выходит журнал не ежемесячно, а судя по добавле-

нию к номеру и году, раз в квартал. Зимой, весной, летом и осенью.

Авторы и художники не получают гонорары, но не жалуются. Связано это с финансовыми возможностями спонсоров журнала. В новой «Искорке» я не нашел известных иностранных поэтов и писателей, а в «раньше» «Искорке» они появлялись нередко.

В наше время, когда молодые люди чаще заглядывают в Интернет, чем в книгу или в журнал, полезно опубликовать несколько ярких произведений известных писателей, чтобы их прочли на сайте «Санкт-Петербургской Искорки». По опыту некоторых журналов, число их читателей в сети доходит до сотен тысяч при собственном тираже в две-три тысячи. А тираж новой «Искорки» - тысяча экземпляров. Если бы правительство города поддержало новую «Искорку», школьники получили бы ежемесячный интересный, добрый журнал.

ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ:

февраль 2013

ЖАН-ФИЛИПП АРУ-ВИНЬО – ЕКАТЕРИНА БЕЛОЗЕРОВА

Екатерина Белозерова: Прежде всего разрешите передать Вам приветствия от журнала «Вестник детской литературы» и поблагодарить за согласие на интервью. Пожалуйста, расскажите вкратце о себе, о том, как Вы пришли к литературе и почему стали писать для детей?

Жан-Филипп Ару-Виньо: Писать я начал очень рано, потому что с детства был заядлым читателем и буквально «пожирал» все детские приключенческие книжки, суще-

ствовавшие в мое время. Особенно я любил «Великолепную пятерку» – не знаю, известна ли она в России. Это детективная серия английской писательницы Энид Блайтон, в которой главные герои – четверо ребят и собака. Каждый раз, отправляясь куда-то на каникулы, они попадают в какую-нибудь таинственную историю и раскрывают тайну. Еще я любил серию книжек про Фантометт, про секретного агента Ланжелло и многие другие. Все эти захватывающие приключения были очень далеки от моей детской будничной жизни, а мне бы так хотелось в них поучаствовать! Но поскольку это было невозможно, то я начал сочинять рассказы, в которых сам был героем и попадал в самые невероятные приключения. Вот так все и началось. Сначала я стал страстным читателем, а вслед за тем и писателем – и все это благодаря детским книгам.

Позже я получил филологическое образование, стал преподавателем французского языка. За-

нятия классической литературой как-то отдалили меня от детских книг, и когда я начал печататься, то первыми вышли мои романы для взрослых. А потом как-то раз мне представился случай написать о детстве. Я получил от этого огромное удовольствие и с тех пор пишу как для взрослых, так и для детей.

Е.Б.: В каком жанре/жанрах написаны Ваши детские произведения? Если их несколько, то какой Вы предпочитаете?

Ж-Ф.А-В.: Я пишу в двух жанрах. Один из них – приключенческий детектив, в котором главные герои – дети. Например, серия «Следствие после звонка». Второй более реалистичный: это рассказы о детях, в которых с юмором описывается их повседневная жизнь.

Нарочно я их не выбирал; просто мне кажется, что именно такие книги я сам любил читать, когда был ребенком. Именно эти два стиля мне нравились. Пример первого – «Великолепная пятерка», а второго – «Маленький Николя» Госини или «Оптом дешевле» Фрэнка Гилберта-младшего и Эрнестин Гилберт Кэри.

Е.Б.: А как же Ваш роман «Магнус Миллион или дортуар кошмаров»? Он не очень подходит под эти описания.

Ж-Ф.А-В.: «Магнус Миллион или дортуар кошмаров» – это попытка освоить новый для меня приключенческо-фантастический жанр. Дело в том, что непосредственно перед этим я закончил длинную автобиографическую серию рассказов о братьях по имени Жан, которая вышла под названием «Ай да семейка!». В этих рассказах я полностью погрузился в мир своего детства, в свою собственную, абсолютно реальную жизнь. Под конец работы над этой серией мне захотелось сбросить сковывающие меня цепи детских воспоминаний и для этого выдумать совершенно новую страну, населив ее вымышленными персонажами. Более того, вообще уйти от реальности, воспользовавшись безграничной свободой, которую дает жанр фантастического романа, разрушить все барьеры и ринуться на поиски приключений. Но это, действительно, не очень похоже на то, что я обычно пишу для детей.

Е.Б.: То есть Вы это написали просто для разнообразия?

Ж-Ф.А-В.: Да, для разнообразия, чтобы попробовать себя в новой литературной сфере, освоить новый жанр, новую повествовательную манеру.

Е.Б.: Вы уже упомянули о

книгах, которые читали в детстве. Есть ли у Вас до сих пор любимые персонажи среди героев детской литературы?

Ж-Ф.А-В.: Да, это как раз герои «Великолепной пятерки», о которых я говорил. А также Фантометт – обычная школьница, которая по ночам надевает маску и плащ и встает на защиту справедливости. И юный Ланжелло, который учится на секретного агента и попадает в самые невероятные приключения. Да, чуть не забыл: это и трое американских мальчишек-сыщиков Альфреда Хичкока, ведущих увлекательные расследования. Все это мне очень нравилось в детстве, и я сам мечтал стать сыщиком, путешественником, секретным агентом – в общем, из обычного школьника, ведущего пресную и банальную жизнь, превратиться в участника приключений, о которых читал в книжках.

Е.Б.: А с русской литературой для детей Вы немножко знакомы?

Ж-Ф.А-В.: К сожалению, почти совсем не знаком. Знаю и люблю только русские народные сказки, а книг современных детских авторов, увы, не читал – мне не встречались их переводы на французский язык.

Е.Б.: Известно, что детская литература последних десятиле-

тий гораздо менее нравоучительна, чем литература прежних лет. Нет ли у Вас ощущения, что сегодняшняя детская литература (и прочие виды искусства для детей – спектакли, песни и т.д.) иной раз впадает в обратную крайность: в ней присутствует некая «антимораль»? Пороки остаются безнаказанными, невоспитанность выглядит симпатичной, часто встречаются образы дураков-отличников. Иной раз складывается впечатление, что автор сам становится на место ребенка, приглашая читателей посмеяться над нелепыми взрослыми. Как Вы к этому относитесь?

Ж-Ф.А-В.: Я думаю, что литература, как детская, так и взрослая, неразрывно связана со своей эпохой. Очевидно, что сегодня образы детей и взрослых в литературе, кино, телепередачах стали не такими, как прежде. Современные герои гораздо более неоднозначны, далеки от стереотипов, обладают как достоинствами, так и недостатками. Иногда они вступают в конфликтные отношения с миром взрослых. В мое время это называли «конфликтом поколений». И книги для детей не остаются чуждыми этой тенденции. Детская литература 1950-х годов была крайне нравоучительной и назидательной.

Сегодня она более широко отражает перемены в отношениях родителей – и вообще взрослых – с детьми. Мечты и желания сегодняшних детей совсем не такие, как у героев книг моего детства. Так что налицо настоящая эволюция. С другой стороны, в некоторых произведениях современной детской литературы присутствует некий ложный образ ребенка, похожий на тот, что нам предлагает реклама. Подросток предстает в виде короля, суперпотребителя, который в силу своего возраста разбирается в окружающем мире гораздо лучше, чем отстающие родители. А родители изображены несостоятельными, перегруженными работой и не способными понять своих детей. Все это, на мой взгляд, в корне неверно и банально. Такая тенденция в детской литературе отражает развитие общества, в котором подросток занял центральное место. Потому что именно он сегодня главный потребитель, и ему предоставлены все права. Подросток стал восприниматься как состоявшаяся личность, которой взрослые завидуют. Раньше, в моем детстве, подростковый возраст считался периодом взросления. Человек в этом возрасте мечтал о том, чтобы наконец стать взрослым – ответственным, само-

стоятельным – и занять свое собственное, настоящее место в мире. То есть для нас это было время становления. А сегодня иногда складывается впечатление, что подросток не развивающаяся, а остановившаяся в своем развитии личность. Он словно одним махом достиг некоей абсолютной зрелости. Не случайно некоторые взрослые ведут себя так, словно продолжают оставаться детьми. Одеваются по юношеской моде, годами продолжают играть в видеоигры и т. д. Во французском языке даже появился неологизм «adulescent», означающий взрослого, который пытается остаться подростком.

Е.Б.: Но, может быть, одна из задач литературы как раз в том, чтобы помочь осознать это явление? Кстати, считаете ли Вы, что литература для детей продолжает иметь воспитательное значение? Знаменитый русский писатель Максим Горький говорил: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». Как по-Вашему, актуален ли этот афоризм сегодня? Должна ли литература нести детям какие-то идеи и приобщать к каким бы то ни было ценностям?

Ж-Ф.А-В.: Я не уверен, что она должна обязательно нести какие-то идеи. Но думаю, что все выдающие-

ся произведения, все хорошие книги в некоей завуалированной форме помогают нам в жизни и помогают расти. Они учат нас общению с другими людьми. Просто нужно отличать хорошие книги от плохих. Мне кажется, хорошие книги для подрастающего поколения рисуют объективную картину и содержат своего рода систему координат и четкие критерии отношений между людьми. Вот, например, в нашем издательстве выходят произведения Тимоте де Фомбеля, Франсуа Пласа, Жан-Клода Мурлева. Это фантастика, но за ней мы угадываем нашу собственную жизнь. У героев этих книг богатый внутренний мир, они неоднозначны и очень достоверны, несмотря на то, что их возможности воздействовать на окружающее значительно превосходят возможности реальных детей. Такие произведения, как мне кажется, дают ребенку опору в жизни, помогают многое увидеть и понять, помогают повзрослеть. С другой стороны, действительно, есть книги для детей, в которых действуют стереотипные и весьма раздражающие нас подростки: они безобразно разговаривают, ведут себя распущенно, не уважают родителей. Но такие книги, по-моему, не показатель — это просто плохая литература.

Е.Б.: Позволю себе привести небольшой пример, чтобы лучше объяснить, что я имела в виду под «антиморалью». Когда мой сын был помладше, он очень любил комиксы об Астериксе. Мы часто читали их вместе с ним, поскольку у нас в семье они всем нравятся. А потом я вдруг заметила, что за столом мой сын не перестает нарочито громко чавкать, произнося точь в точь такие же звуки, как Обеликс в комиксе у Госини. Конечно, научить ребенка прилично вести себя за столом не всегда бывает просто, даже если он не читал «Астерикса»...

Ж-Ф.А-В.: Безусловно.

Е.Б.:...но все же у меня такое ощущение, что комиксы не облегчили нам решение этой педагогической задачи. И еще пример: известно, что в современной школе часто очень несладко приходится отличникам, которых называют не иначе как «intellos». Как по-Вашему, не усугубляют ли эту ситуацию книги, в которых отличники изображены в смешном и нелепом виде? А ведь это не всегда плохие книги...

Ж-Ф.А-В.: Мне кажется, авторы таких книг заискивают перед подростками, пытаются «гладить их по шерстке». Они словно заранее ищут ответы на вопросы «Каковы сегодняшние школьники? Что они

любят и чего не любят?» в надежде понравиться читателям. Я думаю, что это очень непродуктивно. В результате получаются неудачные произведения, которые поощряют в детях далеко не самые хорошие склонности. Но, к счастью, есть и другие книги, они наоборот берут под защиту «умников», детей, над которыми в классе смеются. Или толстых, слабых, тех, кого считают некрасивыми. В пример можно привести «Несколько дней из жизни толстяка» Микаэля Оливье. Художественный вымысел, как ничто иное, способен научить детей глубоко переживать, и воспитательная роль таких книг состоит как раз в том, чтобы дать им понять весь ужас «стадного» чувства.

Как избежать тех неприятных явлений, о которых Вы упоминали? Для этого, мне кажется, нужно стараться помнить свое собственное детство и отрочество, а не пытаться писать для «сегодняшних детей». Потому что такие попытки приводят к демагогии и появлению литературы низкого качества.

Е.Б.: Значит, Вы сами не пытаетесь писать для «сегодняшних детей» и не выясняете заранее, что их интересует, предпочитая ориентироваться на Ваш собственный опыт. А есть ли у Вас представле-

ние об облике «идеального» читателя, для которого Вы пишете?

Ж-Ф.А-В.: Делая первые шаги в детской литературе, я, действительно, задавался вопросом, для кого собираюсь писать. И я тогда понял раз и навсегда, что пишу такие книги, которые сам хотел бы прочитать в возрасте 10 лет. Я не пытаюсь представить себе современного читателя и приспособиться к его вкусам. Например, практически не пишу в жанре фэнтези, хотя знаю, что мои юные читатели обожают такие книги. Мои герои не разговаривают по мобильному телефону, не играют в видеоигры, у них нет всей этой современной техники, без которой якобы невозможно представить себе сегодняшнего подростка. И тем не менее, встречаясь с моими читателями, я всякий раз ловлю себя на мысли: они такие же, как мы! Так что, на мой взгляд, нет никакой необходимости выяснять, что собой представляют нынешние дети, нужно просто искренне писать о детстве, ориентируясь на самого себя.

Е.Б.: Значит, разница между поколениями Вас не пугает?

Ж-Ф.А-В.: Мне кажется, книга хороша тогда, когда герои в ней изображены без фальши, а это не зависит от того, к какому поколе-

нию они принадлежат. Думаю, что главное – писать о том, что было и остается важным для всех детей, независимо от того, где и когда они живут. Хотя я далеко не уверен, что у меня самого это получается. О приключениях, о дружбе, об отношениях со взрослыми, с родителями... Есть «вечные» темы, интересные для всех поколений. Именно об этом могут рассказывать детские книги. А книга, написанная на очень актуальную тему, повествующая о современных реалиях ультрасовременным языком, быстро устаревают, ведь молодежная мода очень скоротечна. Думаю, мои книги долго читаются именно потому, что в них нет ничего «злбодневногo». Мой первый роман для детей вышел в 1989 году и до сих пор пользуется успехом. Правда, есть и другой, очень наглядный пример: в одной из моих давно написанных книг, «Агентство Пертимакс», при расследовании загадочной истории герои применяют новейший на тот момент прибор: минитель. При подготовке к переизданию мне пришлось убрать эту деталь, поскольку в это время никто из детей уже понятия не имел, что это за штука такая «минитель». То, что 10 лет назад казалось современным, уже безнадежно устарело!

Е.Б.: Вы упомянули о романах-фэнтези, которые так любят нынешние читатели. Не могу с Вами не согласиться: мои дети тоже отдают предпочтение именно им – и еще, пожалуй, комиксам. У меня такое впечатление, что, привыкнув к такой литературе, они разучились читать книги, рассказывающие о реальной жизни. Правда, мой сын с большим удовольствием читал вашу книгу «Ай да семейка!», но она остается исключением.

Ж.Ф.А.В.: Мне кажется, что реальная жизнь давит на сегодняшнего ребенка тяжелым грузом. В былые времена дети были в некотором роде защищены от нее, поскольку родители огораживали их, позволяя существовать в их собственном, детском, мире. Так, например, проблемы семейной жизни родителей или их сложности на работе не обсуждались при детях так открыто, как это иногда происходит сегодня. Дети не слушали новости по радио и по телевизору, не читали газет. А сегодня весь этот взрослый, реальный мир обрушивается на них лавиной. Они без конца слышат про загрязнение окружающей среды, про голод, про войны. Их пугают безработицей, рассказывают про тревожное будущее планеты. От этого возникает только одно же-

ление: спрятаться в вымышленном мире. А вымышленный мир фэнтези в конечном итоге есть не что иное, как те самые сказки, которые мы читали, когда были детьми. Только сказочный универсум здесь развивается в книгу из 600-700 страниц, в которую можно полностью погрузиться и наслаждаться чтением целые часы, дни и недели.

Е.Б.: То есть фэнтези – это современная форма сказки?

Ж.Ф.А.В.: Совершенно верно, и в ней есть все традиционные элементы сказки: поиск, воображаемые герои со сверхъестественными способностями, чудодейственные предметы и т.д. Но это очень длинные сказки, своего рода саги, часто протяженностью в несколько томов.

Е.Б.: В России многие считают комиксы и фэнтези «низкими жанрами» или даже литературным мусором. Согласны ли Вы с такой оценкой или считаете, что она слишком поверхностна, проистекает от незнания картины в целом, связана с тем, что до русских читателей не дошли лучшие образцы жанра?

Ж.Ф.А.В.: В любом жанре есть хорошие и плохие произведения. Фэнтези я плохо знаю, если не считать книг, ставших классикой.

Этот жанр мне не очень близок. Я предпочитаю детективы, действие которых происходит в настоящем, невыдуманном мире и герои которых имеют в своем распоряжении лишь собственные способности, логику и разум. Люблю также приключенческие романы, рассказы об исследованиях, о величайших загадках в истории человечества: снежном человеке, тайне озера Лох-Несс, секретах пирамид... Для меня важно, чтобы в книге рассказывалось о нашем мире, но чтобы при этом оставался простор для фантазии. Тролли и другие фантастические, сверхъестественные существа меня меньше увлекают. Но это особенности моего личного вкуса, которые не имеют никакого отношения к качеству жанра. Взрослым мир фэнтези не очень понятен, а для детей он, по-моему, играет ту же роль, что для нас в свое время сказки с феями, людоедами и серым волком. В жанре фэнтези написаны прекрасные романы – возьмите, к примеру, «Властелина колец».

Е.Б.: А «Гарри Поттер»? Что Вы думаете об этом романе и о его невероятном успехе?

Ж.Ф.А.В.: Я считаю его успех полностью заслуженным. В «Гарри Поттере» объединены все существующие типы романа: это и лю-

бовный роман, и роман о дружбе, и роман о школьной жизни, и роман-сказка, и детектив. В нем рассказывается о взрослении ребенка, поэтому это и своего рода воспитательный роман. Джоан Роулинг удалось совершить невозможное: в одной-единственной серии собрать чуть ли не все жанры детской, а, возможно, и взрослой литературы. Именно этим, видимо, и объясняется ее феноменальный успех у людей разного возраста.

Е.Б.: А как Вы относитесь к тому, что дети все реже и реже читают классику? Это более сложное чтение. Как Вы считаете, нужно ли стараться их все же к ней приобщать?

Ж-Ф.А-В.: Конечно, современные детские книги написаны современным языком, на современные темы, и их действие чаще всего происходит в современном мире. У детей складывается ощущение, что они читают о себе, о своем времени, о том, что им близко. Классическая литература повествует о прошлом, она написана на менее понятном, устаревшем языке. Неудивительно, что такие книги нередко кажутся ребятам «нудными». Задача родителей, педагогов, библиотекарей в том, чтобы составить для детей своего рода «книжный маршрут»,

следуя которому, они постепенно придут к классике. Часть моей работы в издательстве заключается в подготовке коллекции классики для детей «Foliojunior», в которую входят выдающиеся литературные произведения. Как сделать их более доступными для современных школьников? Например, мы укорачиваем длинные тексты, предлагаем новые, более современные переводы, дополняем произведение послесловием с пояснениями и документальными материалами.

Е.Б.: Я как раз хотела спросить: сегодня в библиотеках можно найти адаптированные романы Александра Дюма, Жюль Верна – Вы считаете, что это хорошо?

Ж-Ф.А-В.: По-моему, да. Хотя, конечно, адаптация адаптации рознь. Переписывать классику нельзя, в ней важна и форма, и содержание. Нужно сокращать, убирая часть текста, но делая это незаметно. Что касается переводов – например, «Одиссеи» или «Тысячи и одной ночи» – то я не считаю, что нужно довольствоваться старыми переводами. Они, несомненно, очень хороши, но читать их бывает нелегко. Пусть лучше дети прочитают более легкую версию классического произведения, почерпнув из нее самое ценное и содержательное, чем не прочитают совсем.

Е.Б.: Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние французской детской литературы? Легко ли удастся молодым талантливым писателям печататься и находить дорогу к читателю? Не происходит ли монополизация рынка детских книг англоязычными авторами?

Ж-Ф.А-В.: Последние 20 лет рынок детских книг во Франции очень интенсивно развивается. Практически во всех «взрослых» издательствах открылись отделы детской литературы. Издатели поняли, что, во-первых, важно готовить своих будущих читателей заранее, а во-вторых, это выгодно с финансовой точки зрения. Успех «Гарри Поттера» показал, что детская книга может быть интересна читателям всех поколений, а не только детям. Поэтому, мне кажется, начинающий французский автор, если он талантлив, легко найдет возможность напечататься. У каждого издательства свой подход, своя политика, свои критерии при выборе книг. Сегодня на французском рынке детской литературы можно найти все возможные жанры и типы книг: роман-зеркало, роман-фэнтези, детектив, исторический роман...

Е.Б.: Простите, а что Вы называете «романом-зеркалом»?

Ж-Ф.А-В.: Это роман, главный герой которого – в какой-то мере отражение читателя. То есть обычный подросток с обычными для его возраста проблемами, такими как половое созревание, развод родителей и так далее. Это сцены, выхваченные из жизни, в которых читатель видит самого себя.

Возвращаясь к вопросу о рынке французской детской литературы: как я уже сказал, сегодня молодой писатель, пишущий в любом жанре, без труда найдет издателя, и это очень важно. В то же время, если посмотреть на статистику продаж, становится очевидно: нынешние бестселлеры написаны англоязычными авторами. Могут ли французские детские книги составить им конкуренцию? Думаю, что да. Последнее время наша детская литература начала «экспортироваться», французских авторов начинают переводить на другие языки – такого раньше не было. С другой стороны, мне кажется, что популярность англоязычной литературы отражает общую тенденцию в современной культурной жизни, в том числе в кинематографе, музыке и т.д. Я имею в виду широкое распространение англоязычной культуры.

Е.Б.: А кроме этой общей тенденции есть ли, по-Вашему, другие

причины популярности английской детской литературы? Вы сами ее любите?

Ж-Ф.А-В.: Очень люблю. В книгах для детей талант английских писателей проявился во всем своем блеске. Вообще, англичане пишут для детей так же, как и для взрослых: и в том, и в другом случае они, прежде всего, прекрасные рассказчики. А наша литература мало-помалу утратила свою колоритность и выразительность под влиянием так называемого «нового романа». Представители этого направления, очень популярного в 1970-е годы, практически отказались от таких понятий, как персонаж и сюжетное повествование. Сейчас мы больше не впадаем в эту крайность, но возвращение к забытым традициям требует времени. Детскому писателю сегодня очень повезло: нам дана интереснейшая возможность – сочинять и рассказывать в каком угодно жанре, пользуясь большей независимостью, чем если бы мы писали для взрослых. Многим из нас именно детская литература предоставляет широкую творческую свободу.

Е.Б.: Принимают ли государство и общественные организации Франции участие в формировании литературного вкуса подрастающе-

го поколения? Существуют ли в настоящее время какие-либо формы государственной поддержки детской литературы?

Ж-Ф.А-В.: Да, существуют, и довольно разнообразные. В дополнение к школьным программам, основанным, прежде всего, на классике, Министерство образования выпускает список книг, рекомендованных для детей и юношества, которые преподаватели могут предлагать детям в качестве домашнего чтения. Этот список включает более 500 произведений и может служить ориентиром в безбрежном море публикуемой печатной продукции.

Е.Б.: А кто именно составляет этот список?

Ж-Ф.А-В.: Сотрудники министерства совместно с преподавателями и исследователями детской литературы. Помимо этого, существуют и другие формы поддержки детской литературы: например, многочисленные книжные салоны для детей и юношества. Самый известный из них проходит в г. Монтрё, но есть и другие. Существует также Национальный центр книги, оказывающий помощь писателям: он предоставляет им гранты, помогает с жильем. Словом, литература во Франции активно под-

держивается государством, что, как мне кажется, приносит свои плоды. По всей стране имеются также общественные организации, работающие в этом направлении. Например, ассоциация «Читаем с детьми» («Lireetfairelire»), ее цель – возродить традиции совместного чтения. Раньше в семьях по вечерам кто-то из старших – бабушка, отец или мать – читали вслух или рассказывали, а остальные слушали. Сейчас это сложнее: родители возвращаются домой поздно, они вечно заняты, им не до чтения. Именно поэтому члены этой добровольной организации – пенсионеры, бабушки и дедушки – предлагают свою помощь, читают детям вслух. Ведь именно так дети и учатся чтению: прежде чем начать читать самостоятельно, они слушают. Еще один пример: ассоциация «Неподкупные» («Incarnables») каждый год организует конкурс на лучшую детскую книгу, лауреата которого называют школьники. В прошлом году в этом конкурсе участвовало 380000 детей со всей Франции, и в каждой возрастной категории была выбрана книга-победитель.

Е.Б.: И последний вопрос: есть ли у Вас «любимчики» среди собственных персонажей произведений для детей? С кем из них, прежде

всего, Вам хотелось бы познакомиться иностранного читателя?

Ж-Ф.А-В.: Даже не знаю... Я их всех люблю. Мы с ними много времени проводим вместе, особенно если речь идет о героях, переходящих из книги в книгу. Конечно, в результате к ним привязываешься. Но, пожалуй, самые любимые – это все-таки братья по имени Жан из серии «Ай да семейка!». Наверное, потому что это автобиографическая серия, я рассказываю в ней о собственном детстве.

Е.Б.: Очень удачно: ведь именно эта книга готовится к выходу на русском языке! А Вам хотелось бы и другие выпустить в России? Например, «Следствие после звонка»?

Ж-Ф.А-В.: Конечно. Одна из самых захватывающих сторон в жизни писателя – видеть, как сочиненная и записанная им история распространяется повсюду и находит своего читателя в самых далеких и неожиданных уголках. Сначала, конечно, во Франции, но потом и в других странах. Мне довелось побывать в России, в Греции, в Африке, и я встречался там с детьми, которые читали мои книги! Для писателя нет лучшей награды, чем узнать, что дети смеялись и мечтали, читая его рассказы, что они на них росли.

Е.Б.: Большое спасибо.

ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

А.Ф. Московская

ДЕТСТВО – ЭТО СЕРЬЁЗНО. ЗАМЕТКИ О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Для чего нужна литературная критика? Для того, чтобы заниматься образованием неотёсанных? Для того, чтобы разъяснить недопонятное читателями? Чтобы расставлять оценки и присуждать призы? Для того, чтобы аспиранты с магистрами могли подать голос в вечность? Вероятно, и для всего этого тоже. Но главное – чтобы заставлять думать.

Вот в руках у меня изящная книжица. Оформленная скромно, но с исключительным достоинством. Тоненькая, изысканная, молодая, в строгом коричневом гимназическом платьице. Благородная девица. Как её занесло в наш расхристанный век? И название не от мира сего, поверх голов “Вестник детской литературы”. Благая весть. Да.

Сборник критических статей. Ну и ну! Да ещё о детской литературе. И полистав эту милую молодую гостью, я задумалась о детской литературе.

Мы склонны всё систематизи-

ровать. Упрощать. Резать время на вчера, сегодня, завтра. Искать направления и пути, в том числе и в детской литературе.

Но может быть, следует начать с начала. Со смысла. Для кого она? Для мам-пап и бабушек с дедушками? Да, конечно, ведь они покупают книги. И выясняют в интернете, что теперь надо читать их чадам? Для учительницы? Да. Ведь она будет назидать, указывая пальцем на заданную страницу учебника. Для библиотекарей? Да. Они будут вписывать в формуляр название выданной книжки.

Но, может быть, и для детей? И если это и вправду так, то интересно было бы спросить их мнение.

Какая книга – их книга? Та, что живёт долго-долго в душе. И в юности и в зрелости... И всегда. Вот об этом-то я и хочу поговорить. Ну и, конечно, как всегда в таких случаях, разговор от детей вообще перейдёт на дитя в частности. Ты догадался, друг-читатель, я буду говорить о себе, как

о наиболее доподлинно известном мне ребёнке.

Первое слово невпапад

На вечере, посвящённом выходу сборника, было много выступлений с живым интересом к делу. Но остановили внимание, два самых очевидных слова, сказанные вроде бы немного невпапад, параллельно, мимо темы: не о насущно важном – как наладить продажу и организовать рекламу, оповещая народ о своём творчестве. Не о современной стадии развития детской литературы, и даже не о сборнике напрямую. А об ином. Оба были воспоминаниями о своём детстве.

Одним из этих существенных слов было слово Т.П. Батуриной. Она сказала, что детской литературы для неё не было. Она начала читать прямо со взрослой. Подобный взгляд о ненужности версии детской литературы, если не ошибаюсь, высказывался и Ф.М. Достоевским. Это абсурдное замечание прозвучало, но так, между прочим, без излишней акцентации. Скандальное по существу. Ведь оно упраздняло всю детскую литературу, а уж тем паче и разумность её критического осмысления.

Действительно, и по моим воспоминаниям, детская литература для очень маленьких людей не нужна.

Дело в том, что детская душа очень серьёзна. Она глубока. Она находится в самой всеобъемлющей стадии постижения мира – созерцании. Она вбирает и усваивает безгранично большой, сложный, умный мир. Не споря, не возражая, принимает во вдумчивом смирении всё окружающее.

И, конечно, стишки, в которых взрослые тёти и дяди играют в деток, детям не нужны. Если дети не с врождённым слабоумием.

Я помню эту батарею стишков Барто-Михалкова-Чуковского. Они где-то парили рядом с сознанием, не вторгаясь в него. Как бумажные хлопушки, отбивали такт. Как не кусающие комарики с примитивной ритмикой, вились у виска. Я принимала их с удивлённой отчуждённостью. Ну, раз уж взрослые их всё время твердят... Помню с мелкого детства лишь одну строку Чуковского “...я к Таврическому саду, перелез через ограду...”. К чему относился этот поэтический перл, до сих пор не имею понятия. Но главное, что занимало тогда ум – тот ли это Таврический сад, в который выходят окна нашей комнаты? Огромный, живой, загадочный. С величественными клёнами и дубами. С желудями, которые так весело собирать. На дорожках которого гуляет наша группа детского сада. Куда так часто меня обещает

сводить на прогулку мама, и так не всегда выполняет своё обещание. Но, наверное, у этого Чуковского (а может, Чайковского? кого-то из них), просто совпадение. В рифмованной болталке, какой-то другой: ничего не значащий, никчёмный Таврический сад. Сад – просто так.

И ещё одно не литературное воспоминание. Помню резиновый мяч с белым кольцом на боку. Он меланхолично покачивается в мутной воде речки-канавы Таврического сада. Медленно удаляясь от берега. И за ним плавно по мягкому склону на трёхколёсном велосипеде съезжает мальчишка из нашей группы. После помню фигуру спасателя, выловленного воспитательницей, посрамлённого, обруганного, тут же при всех выжатого, отстранёно ото всех нас, сухих, одиноко стоящего на гравийной дорожке парка.

А про “Таню, уронившую в речку мяч”, – нет, этого не помню. В моей пятилетней жизни были настоящие жизненные впечатления. Было подлинное событие, остановившее на мгновение жизнь.

Ребёнок младшего дошкольного возраста так погружён в огромный неизведанный новый мир, он в какой-то мере даже оглушён им, осваивая реальность, что сюсюканье тётеньки, присевшей перед ним на корточки, заглядывающей ему в глазки и

снисходительно треплющего его по головке, ему глубоко безразлично.

Литературные обиды и загадки

Но были литературные события детской жизни, взволновавшие. Обратившие на себя внимание своим намеренным идиотизмом. Первое – это история про курочку Рябу. Сколько раз я её ни слышала – изумлялась и пенилась внутри: не может так бессмысленно оборваться история. “Яичко упало и разбилось”. Полный тупик. Что-то должно быть дальше. Какое-то развитие сюжета. Так не бывает. Большие знают, но не говорят. Меня обманывают. Незаслуженная обида – была главным содержанием для четырёхлетнего слушателя этой “миленькой развивающей сказочки”.

С другим, подобным переживанием встретила уже более нравственно окрепшая душа шестилетки. Такой же костью поперёк горла была в моей литературной жизни фальшивая сказка Буратино. Её герои – манерные пластмассовые куклы с отвратительно синими волосами, деревянными носами, жуткими бородами, выпученными глазами. Неизвестно зачем ниоткуда взявшиеся, но прочно обосновавшиеся в начале книжки. Объединённые бессюжетным сюжетом, распадающимся на

коротенькие бессвязные зарисовки. С жёстким и тупым завершением этой кукольной кутерьмы. Заканчивающейся глухой дверью, в которую проваливалась история. Но эта сказка была не такой обидной, как о курочке Рябе. Может быть, оттого что читательница была повзрослей. Не так близко к сердцу брала эту топорно измышлённую братию. А главное, в книжке, где болталась эта бесславная история, жили настоящие добрые мягкие волшебные сказки: “Аленький цветочек” С.Т. Аксакова, “Василиса прекрасная”, “Чёрная курица” А. Погорельского, “Три медведя” Л.Н. Толстого. Это уже серьёзно.

А знаменитые сказки братьев Grimm запечатались историей, в которой бедные родители, не имея возможности прокормить детей, отводят и бросают их в лесу. И в ужасе застыла детская душа от злодейства. В тёплой русской народной культуре такой сюжет невозможен. Чувство нравственной правды, уловленной пятилетним человеком то ли из русского духа, витающего над нашей землёй, то ли полученной на генетическом уровне, вызвало резкое отторжение такой сказки.

Но был другой художественный образ русского предания неразъяснимый для меня в детстве. Приключения сестрицы Алёнушки с братцем

Иванушкой. Беглецы, застигнутые погоней диких гусей, просят у яблоньки спрятать их. Яблонька соглашается при условии, что дети должны съесть с неё яблочки. И недоумение перед настойчивостью странного желания яблоньки. Таинственная, но, несомненно, неслучайная подробность. Она стояла загадкой много лет. Лишь теперь, совсем большая читательница, я увидела в этом знаке, тайный узор принадлежности к православной народной культуре. Далёкая смоковница, смысл жизни которой сосредоточен в плодах, переосмысленная в родную яблоньку.

Литература с масштабом мира

Стихи, написанные даже и не прямо для детей, но настоящих, больших поэтов: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого, И.С. Никитина, С.А. Есенина входили в сознание легко и крепко с самых ранних лет. Помню дуб, и золотую цепь, и учёного кота, помню золотую рыбку, и старика со старухой у самого синего моря, и царя Салтана. Узнаю их в цвете и в слове. Нежные зарисовки о природе, весне, солнце. “Колокольчики мои, цветики степные” своим незамысловатым и тихим словом ясными глазами заглядывали в такую нежную далёкую глубь

души, из которой назад уже никогда не выйти.

Помню лет в шесть-семь зачем-то разученное стихотворение Лермонтова “На смерть поэта”. Которое долгое время, как знамя справедливости и взрослости, развевалось в моём неокрепшем уме.

В детстве мне читали много. Мама любила Диккенса. Вот она читает вслух с наслаждением бесконечную огромную книгу “Давид Копперфильд”. Для меня, и немного забыв обо мне. Я сижу сначала на табуретке, потом под столом, слушаю-слушаю и тихонько рисую красным карандашом на обоях. После меня спрашивают, откуда взялись разводы на стене? Я тоже удивляюсь, но не выдаю художника. Это между пятью и шестью годами. Потом мы читали “Большие надежды”, “Оливера Твиста”. Заботясь о моей нравственности, недостаточно целомудренные для детского слуха куски мама читала про себя. Загадочно, чуть смущённо за невольный обман, улыбаясь. Кажется, я вполне тогда понимала Диккенса. Театральную композицию сюжета, гипертрофированных в добре и зле типажей, мягкий тёплый юмор, и всегда побеждающее добро. Я отдавала писателю должное. Но как он мне надоел! Я поставила диагноз – так слащаво, в картинной плоскости на самом деле в жизни не

бывает. Лет двадцать, а может и более, не дотрагивалась до его книг. И лишь, перечитав все другие книжки, не то что в зрелых, но в перезрелых годах вновь открыла знакомый с детства фолиант. И с наслаждением проглотила от корки до корки. Рука потянулась за следующей книгой... Диккенса читала бабушка шестилетнему мальчику – будущему митрополиту Антонию Сурожскому. Правда в подлиннике, на английском. Так что шесть лет – возраст вполне подходящий для усвоения большой культуры.

Для полноценного восприятия шарма художественной манеры Диккенса необходим более изощрённый художественный вкус. Читатель должен отталкиваться от уже усвоенной правды, чтобы наслаждаться изысканной неправдой. Чтобы зреть в нарочито преувеличенных характерах и обстоятельствах корень истины. Это можно отнести и к нашим художникам формы – великим Н.В. Гоголю и Н.С. Лескову.

В детстве язык Лескова казался чрезмерно вычурным, бутафорским. Я была возвращена в городской среде классического языкового субстрата. Мощь и фактура стихии народного языкового мышления была в ту пору не по плечу и не по разуму. Всему своё время.

Что же было по росту?

Свободное плавание

Настоящая литература, свободная от диктата взрослых, началась с утверждения в грамотности. Когда выбор того, что читать, стал самостоятельным. Вот они книги, которые неподвижно стоят в сознании, не покидают его всю жизнь, с разной степенью отчётливости, но своим абрисом, строем, дыханием, ритмом. Читанные и перечитанные. И если одна из них есть на полке и ныне, её можно открыть и погрузиться с головой.

Конечно, это книги о зверях. Для совсем маленьких В.В. Бианки, Е.И. Чарушин. Книжки, где зачастую текст иллюстрирует рисунки. На зверей можно глядеть долго-долго-долго. Они живые. В них бесконечность, как в любом Божьем творении. Но самая интересная и родная – “Питомцы зоопарка” В.В. Чаплиной. Про верных, честных, умных зверей самых разных пород, воспитанников и друзей автора, живущих в московском зоопарке. Эта книга о правде. О главной правде – заключенной в любви, доброте и верности. Прекрасные фотографии с прекрасными лицами зверей. Книга взрослая, написанная лёгким светлым языком. Конечно, я думала о работе в зоопарке, особенно в отделении хищных зверей, как о самом

лучшем предназначении человека. Была ещё звериная история Бэмби. Поэма в прозе об олене от младенчества до возмужания – всё как есть. Гимн мужеству и одиночеству. Был и Белый Клык Джека Лондона.

Почему так важны и нужны ребёнку звериные истории? Наверное, потому что в них есть выход в огромный мир. Но с видом на братьев меньших. С переключением сознания маленького человека с себя на другое живое постижимое существо, нуждающееся во внимании и заботе.

Разумеется, среди книжных друзей были сверстники. Это и деятельный Тимур со своей командой. До такой степени принятой близко к сердцу, что мы пытались учредить что-то подобное в нашем не то втором, не то третьем классе. Это был и нелепый мальчик из “Честного слова” Л. Пантелеева. Прекрасное недоумение его твёрдостью в честности было сродни изумлению князем Мышкиным в более зрелых читательских годах. В юношестве значительным событием стала книга Л. Б. Либединской о А.А. Блоке. Она поразила своей музыкальностью, тактом и устремлённостью в небо. Что соединяет эти книги? Это взрослые книги. Авторы говорят с читателем всерьёз. О том, что им дорого и интересно, и очень важно.

Особое значение в формировании слуха народной речи и мировоззрения имели сказы П.П. Бажова. Причудливые полуправдивые полусказочные предания о народной жизни на неведомом Урале. С сюжетом и формой безукоризненной выделки, почти притчи. Пропетые на “неправильном” русском языке: с диалектизмами и многоударной сложной ритмикой народного сказания. Забавные красота и чистотой души русского человека, живущего в таинственном сказочном крае, запечатлелись в сердце, как стихотворения. Их роль оказалась определяющей в дальнейшем интересе к постижению корневой русской культуры. Как отражённой индивидуальностью писателя, например, Н.С. Лескова, Б.В. Шергина, так и подлинной растворённой в народном сознании, и в наиболее густой сущности звучащей в голосах народных сказителей и певцов. Первой вехой к осознанию существования космоса народного языкового мышления были сказы П.П. Бажова.

Но главное место в детском чтении занимала большая художественная литература. Классическая.

А.П. Чехов, в бесчисленных рассказах. Он казался жутко умным-умным, потому что все его герои вокруг были как-то заметно глупее, пошлее, и измеримее. Автор это отчётливо

видел, и вырисовывал. С благородной скромностью снисходительно возвышался над пигмеями. Это было весьма поучительно и убедительно. Я до того прониклась его манерой и духом, что написала в качестве домашнего сочинения рассказ в стиле а ля Чехов, снисходительно-юмористический о придуманном эпизоде из жизни двух пенсионерок, где, что называется, одна другой стоила. Учительница не поверила, обвинила в плагиате. Рассказ я порвала, и клочки в досаде засунула за школьную батарею. Это случилось в шестом классе. Первый выход к читателю потерпел фиаско.

В ряду значительных событий жизни было знакомство с “Героем своего времени” М.Ю. Лермонтова. С прозой, изумившей языком. Хрустальным, как лесной родник.

И с великими романами Л.Н. Толстого, всеми которые были на домашней полке: “Анной Карениной”, “Войной и миром”, “Воскресеньем”, прочитанными гораздо раньше, чем распланировано по программе школьных литературных бдений. Забавно, что всё, что было не по возрасту, с физиологическими подтекстами, не пережитое, как-то удивительно миновало сознание. Обтекало его, скачивалась с души, как вода с крыла гуся. Не будоража фантазию, не разрушая цельность, ничуть не замутив

детскую ясность души. Гармоничный и органичный текст великой литературы перерабатывал, эпически переосмыслил, подымал читателя вместе с героем на высоту мыслителя. Читатель, переживая трагедию героя, сохранял возможность дышать полной грудью. Это и есть подлинный обыкновенный гений.

Смеха ради

Что касается волшебств и юмора, Волшебников Изумрудного города, Незнаек. Скорее я приняла к сведению их существование. Что-то даже и читала. Не относясь всерьёз. Взирая на них с изумлением. Мне была сделана прививка классической культуры такого уровня, что этот новодел, ширпотреб для бедных, не впечатлял. То был приговор собственного сердца. Без советов старших. Я пыталась открывать бывшие на слуху “хорошие” современные книжки про сверстников мальчиков-девочек и в тоске их оставляла: Если нет языка – значит, не может быть и содержания.

Помню, как докучливое жужжание овода, много раз повторённый по радио, рассказ про мальчика без слуха, который, чтобы произвести наилучшее впечатление, поёт всё громче и громче. Напористая глупость возводится во что-то значительное. Автор пыжится вместе с несчастным

ребёнком сочинить что-то смешное. Я недоумевала: может и вправду тут где-то таится литература? Нет. Это из другой отрасли. Литература – это русская классика.

На гвоздях – значит плохо

На Русском Севере есть поговорка: “сделано на гвоздях”. Что означает – кое-как. Если делать мастерски, соединяя в паз, строение стоит долго без единого гвоздя, как литое. Даже если это тридцатиметровый храм. Гвоздь – инородный материал. Он пробивает волокна дерева, несёт сырость и ржавчину. Такой работе – недолг век.

В литературе сцепляющим средством являются разнообразные формы завлечения читателя, трюкачества и смеха.

Одним из направлений в детской литературе являются гротескные абсурдистские произведения. Которые пересмешивают, пародируют, переворачивают, а порой и глумятся над жизнью или другими литературными образами.

Думаю, что тайнопись намёка чужда детскому сознанию. У дитя прямой взгляд. Ребёнок, как святой, видит суть. А суть проста и чиста. Милны-Заходеры, Кэрроллы, Линдгрены принимаются “на ура” в возрасте, когда человек перешёл

сквозь то, о чём написано. Когда повзрослевший ребёнок оборачивается в детство с сентиментальностью. Помню, как “Алису в стране Чудес” смаковали друзья физики, студенты университета.

Если читать эти книги в младшем возрасте, главная соль произведения окажется вне сознания читателя, воспринятой будет пресная ткань фабулы. Дети не понимают шутки, отражённого света. Они находятся в других отношениях с миром. Они целомудренны.

Второе слово невпаад

Ребёнка надо научать видеть чудо в привычном. То, как растёт цветок, как летит птица, как живёт зверь. Об этом сказал Б.А. Орлов в своём слове. О том, что он в детстве читал В.В. Бианки, и шёл в лес, и смотрел внимательно, во все глаза, как распускается цветок. Собственно он и до этого видел цветок, но не осознавал всю значительность чуда живого мира. Праздника ликования и красоты. Непрестанной радости, окружающей человека. Вот этот определяющий мировоззрение камень виденья и ведения должен заложить большой писатель в личность маленького человека.

Вслед за понятийным узнаванием внешнего мира: трав, зверей и

птиц, уклада дома, литература начинает воспитывать человеческие отношения. Но опять прямые. Прямые и простые, с бурными страстями, и прямыми ходами героев, как у В. Шекспира, Гёте, Джека Лондона, Марка Твена.

Маленькому человеку нужен запас жизни, а не литературы. И в передаче опыта жизни народа состоит задача литературы.

Эстетство появится как явление, достойное внимания, позднее. Пересмешиничество действительно тогда, когда есть основа, есть то, от чего можно оттолкнуться. Есть предмет, на который можно посмотреть под разными углами, с разных точек зрения, подбросить в воздухе и поймать. Если начать освоение литературы с эстетства – может произойти эрозия души. Неизбежен люфт нравственных ценностей.

Литературная эквилибристика является результатом пресыщенности. У ребёнка нет пресыщенности. Он узнаёт всё в первый радостный и торжественный раз.

Подлинно большая литература – гармонична и цельна. Она сделана на века без гвоздей. Она сосредоточенна и глубока. Это исповедальная в корне своём литература.

Как только основной творчества становится литературный кураж, гротеск, пародия, абсурдизм

– гвоздь, сцепляющей слабоватую конструкцию, мы сразу, по определению, ставим печать: “сорт два”. И, как бы оно не было мастерски сделано, всё же совсем-совсем серьёз не берём. Помня, что всё же это литературное трюкачество, лицедейство, маскирующие конфликт писателя с ситуацией.

У ребёнка могут быть огорчения от конкретных жизненных обстоятельств, но нет конфликта с миром в целом. А если и есть, то он гармоничный. Потому что ребёнок не знает, что может быть иначе. Детство не время бунта, но пора послушания, созерцания, узнавания и принятия заповедей человеческих отношений.

Только старая тётенька думает, будто интересно и остроумно ходить задом наперёд. Ей кажется смешным об этом долго рассказывать устами проблемной девочки ПеппиДлинныйчулок. Нормальному ребёнку не менее интересно ходить вперёд, но если понадобится, задом наперёд. Но он никогда не будет обставлять это жизнерадостное и слегка опасное действие занудством длиною в абзац. Фактически писательница Линдгрэн сводила свои старые счёты со старым миром старого света приличий. Но это какой-то частный случай старческого раздражения, оформленного в литературный сю-

жет. Однако, свод своих брюзжаний под видом детской литературы весьма характерный приём, часто применяемый и менее талантливыми авторами.

В русской художественной традиции литература, жидущаяся на формообразующей смеховой составляющей воспринимается как литература не фундаментального уровня ценности, для отдыха. С неглубоким погружением кия, по сравнению с большой литературой. В ней есть ватерлиния, проходящая по уровню быта. Д. Хармс, И. Ильф и Е. Петров, А. Олейников, М.М. Зощенко – литература для покинувших детство людей. А Пушкина, Толстого, Есенина, Блока, при всей их неизмеримой мощи, можно читать, осознавая главную суть, значительно в более раннем возрасте. Потому что у них прямой взгляд.

Эпилог для писателей.

Новые и старые детские писатели

Ветвь детской литературы отпочковалась от большой русской литературы давно. Её закрома наполнены огромным числом произведений высочайшего класса, созданных как писателями преимущественно обращающимися ко взрослым, так и авторами профессионально ограничивающими себя

детской аудиторией. Порой демаркационная линия детской литературы оказывается нарушенной, масштаб мыслителя даёт себя знать. И книги, замисленные детскими, с большим наслаждением читаются взрослыми, как это произошло с “Детскими годами Багрова-внука” С.Т. Аксакова и “Детством” Л.Н. Толстого.

Вместе со временем менялись преобладающие нравственные акценты сочинений для детей. В XIX - начале XX века – это сострадание, милосердие, ответственность, честность, огранённые в мелодраматический сюжет как в “Мальчике у Христа на ёлке” Ф.М. Достоевского, в многочисленных рождественских рассказах, в повестях Л. А. Чарской. За последние годы на книжные полки для детей высадились мощный (диверсионный?) отряд развесёлых книг, призывающих к неутомимой бодрости, беспечности, вседозволенности. К отдыху от докучки родителей и учителей. Это, в первую очередь, детские истории плодovitых русскоязычных сочинителей талантливого Э.Успенского и Г.Остера. За безобидной формой шуток, весёлых картинок и стихов, как водяной знак на бумаге, маячит девиз – “бери от жизни всё”. Формула жизненных понятий, которая со временем может утвердиться в голове подрастающего и

отвязанного от морали юного создания. И в конце концов обратиться в кастет для окружающих.

Но именно потому, что так много уже написано, написано мастерски, для самых разных возрастных групп, читательских вкусов и неожиданных запросов, так трудно в нынешнее время современному новому писателю оказаться замеченным и востребованным. Порой от вновь вступающего на зыбкое поприще писательского труда новобранца или от постаревшего и всё также прочно неизвестного автора можно услышать претензию к издателям детской классики и неиздателем их творений: “Детям – нужны новые писатели, старые давно состарились”.

Но тут приходится возражать. Друзья, старые состарились вместе с вами. Пушкин – для вас старый писатель, вы знаете его больше полувека. А для мальчика пяти лет Пушкин – совершенно новый писатель. Такой же, как и вы. Интересно, кого из этих двух новых писателей выберет пятилетний читатель? С чьим творчеством ему более необходимо познакомиться? А что же нам делать, чтобы быть востребованными?

Писать так же хорошо, как те, кто писали до нас. А там – как Бог даст.

А.П.Кашкаров

ФИНСКИЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ ОПЫТ И РЕКОМЕНДАЦИИ КНИГ ДЛЯ ДЕТЕЙ ФИНСКИХ АВТОРОВ. КРАТКИЙ ОБЗОР.

Детской литературой интересуются различные специалисты. Возможно, им будет небезынтересно ознакомиться с опытом финских библиотек и с финскими книгами для детей – теми, что уже несколько лет не уступают в популярности российским детским изданиям.

Хочу начать с небольшого экскурса в историю. В 2011 году в здании РНБ (Санкт-Петербург, Московский пр., 165) в рамках круглого стола «Региональная библиотека во времена перемен: новая архитектура - новая структура - новый библиотекарь - новая библиотека» открылась выставка «Новая финская библиотека», подготовленная городскими библиотеками г. Турку и Хельсинки. Чуть ранее библиотека Турку отпраздновала 140 лет со дня рождения. Я побывал на этой выставке и вынес оттуда много нового, безусловно интересного. И... поехал в Финляндию за новым опытом.

Центральную библиотеку Хельсинки сегодня называют «Библиотека 24», так как теперь она работает круглосуточно. Техническое оснащение библиотеки предоставляет следующие возможности:

- через создание своего псевдонима у клиентов библиотеки есть возможность вносить свой вклад в читательскую базу данных;
- добровольная рецензия - возможность сделать так, чтобы другие ознакомились с вашей личной оценкой библиотечного собрания или отдельного издания;
- коммуникативная беседа в формате живой дискуссии предполагает диалог с другими посетителями библиотеки, интересующимися теми же темами;
- публикация, обнародование, распределение материалов, подготовленных читателями (здесь их называют клиентами).

Клиент финской библиотеки силен своим влиянием на ее жизнь, поскольку не лишен возможности принимать участие в обсуждении книг, принятии коллективных решений, касающихся новых методов деятельности, создании приоритетов и перспектив развития библиотеки.

Интересной особенностью или новым финским опытом (который мог бы стать не менее новым российским опытом) является возможность

предварительного заказа через Интернет нужных читателю (в том числе детских) книг. На сайте библиотеки выставлены книги с обложками, аннотациями, фрагментами текста и целых глав (для пущего привлечения читателя или раскрытия сути книги), имеется сообщение о том – свободна ли книга (имеется ли в фонде) и есть форма для заказа.

Воспользовавшись этой простой методикой (как – мне наглядно показали), занимающей у клиента финской библиотеки всего пару минут (при условии, что он уже знает – какую книгу хочет получить от библиотеки на время пользования) далее – в течении 3-х дней читатель должен самостоятельно прибыть в библиотеку и по зарегистрированному ID номеру (аналог нашего читательского билета) получить книгу в пользование. Есть также и услуга доставки книги на дом или в офис.

Думаю, наши библиотекари по целому ряду причин не скоро догонят финских коллег; хотя лично мне хотелось бы, чтобы новые методики заработали у нас как можно скорее. На форумах финских библиотек идет активное обсуждение книг, особенно новинок. Сами читатели оставляют в блогах и отзывах «микрорецензии», по анализу которых можно уже составлять – как бы у нас его назвали – рекомендательный список книг для

чтения числом не менее 100.

Посмотрим, как с этим обстоят дела у нас в отечестве.

В июне 2012 года по рассылке РБА пришло сообщение, что в Детской централизованной библиотечной системе города Новокузнецка (Кемеровская область) создан электронный тематический иллюстрированный каталог «Что нам читать?», предназначенный для детей 6 – 10 лет. Хороший шаг вперед, можно порадоваться за библиотеки Новокузнецка, которые свои рекомендации могут распространить на всех заинтересованных руководителей детского чтения (и родителей).

Санкт-Петербург тоже на высоте. Практически в каждой детской библиотеке (среди всех ЦБС районов Санкт-Петербурга) сегодня можно встретить книжки финских авторов, выпущенные в российских издательствах и переведенных с языка первоисточника.

Большинство книг финских авторов, пишущих и рисующих для детей, издается в России при финансовой или иной поддержке информационного центра финской литературы FILI. Это довольно внушительная (по меркам небольшой Финляндии) организации, которая имеет в стране Суоми огромный авторитет; ее внимания ищут как издатели, так и литераторы.

Замечательные финские соав-

торы Туве Appelgren и Салла Савайнен распределили свое участие в детской книжке «Веста-Линнея и капризная мама» поровну: текст написала Туве, а обильно снабдила иллюстрациями Салла. Туве Appelgren сейчас живет в Финляндии, но пишет на своем родном языке – по-шведски. Это первая книга в ее серии про девочку со странным для нас именем Веста-Линнея, и ее большую дружную семью. В Финляндии, особенно на севере – в Лапландии, принято давать детям несколько имен, к примеру, Кристина-Патриция-Танья-Анна-Леена – это имя может быть всего у одной только девочки.

Дети (книга рассчитана на детский возраст 5-11 лет) увлеклись чтением такой книжки, где показана жизнь героев из соседней страны Суоми, узнают много нового не только о жизни за границей, но и об особенностях имен своих сверстников. Книжка увидела свет в издательстве «Открытый мир» в 2008 году (оригинальное название *Vesta-Linnea och monstermamman*); российским детям текст стал доступен с помощью переводчицы Марии Людковской.

Сюжет книги таков: действие начинается с обычной утренней ссоры между мамой и дочкой. Мама старается сохранять спокойствие, ведь она запланировала, что они с Вестой-Линнеей проведут замечательный день.

Но Веста-Линнея упрямится, не хочет одеваться.

– Хватит! – обрывает ее мама. Голос у нее такой же приятный, как у голодного белого медведя, замерзшего во льдах.

Веста-Линнея понимает, что дело принимает серьезный оборот. Скоро она по-настоящему рассвирепеет, эта мама. Лучше всего тихо-тихо одеться и миленько улыбнуться. Может, даже сказать «прости»...

События разворачиваются очень динамично и по-детски драматично, что и приковывает внимание маленьких читателей к рассказу финских авторов.

Известный финский писатель для детей Маркус Маялуома издал на своей родине много книг, пользующихся популярностью. Причем волны популярности дошли и до России.

Книжка «Папа, пойдем за грибами!» (М. Маялуома; пер. с финского Е. Тиновитской. – М.: Самокат, 2009. – 36 л.: ил.) увлекает ребенка с первой страницы и читается легко. Особенный финский юмор привлекает детей к таким книжкам, прежде всего, своей оригинальностью. Вообще Маркус Маялуома написал и сам проиллюстрировал множество книг для ребят, где детская фантазия и сообразительность зачастую оказываются намного более полезными, чем рассудительность «умных» взрослых. Не является

исключением и такая его книга для детей 4–7 лет, как:

Маялуома М. Папа, когда придет Дед Мороз? / Маркус Маялуома; пер. с финского Е. Тиовицкой. – М.: Самокат, 2008. – 36 с.

Квинтэссенцией популярности книг Маялуома в детском мире является не столько оригинальный литературно-художественный стиль подачи материала, сколько удачно выбранный читательский адрес и его непосредственная связь с серией, в названии которой слово «папа» является определяющим – «папина серия».

Сам Маялуома так пишет об этом: «В детской книжке должны быть противопоставления. Главное заключается уже в том, что взрослые все планируют заранее, а дети живут ощущением момента. С мыслью об этом я нарисовал и написал книги «папиной серии». Папа в них все превращает в игру – на свой лад. А дети добавляют в этот суп приправы, и порой довольно остренькие, во всяком случае, на отцовский вкус».

Как автор нескольких методических пособий по чтению для отцов, я вполне понимаю этого финского писателя. Ниша, в которой работает Маялуома, и сегодня не наполнена вполне: не хватает равнодушных отцов, умеющих и желающих заниматься с детьми. Поэтому всегда, когда в книге речь – так или иначе (в

названии, содержании, оглавлении) заходит о папах, дети, многие из которых растут в неполных семьях, осваивают такую книгу с удовольствием. Думаю, секрет книжной серии Маялуомы именно в этом.

Следующие книги (других финских авторов, переведенных и изданных в России) с не меньшим обоснованием можно рекомендовать родителям для чтения детям:

Мьеттинен Ауликки. Отто и мальчиш из тыквы. М.: Стрекоза, 2009. – 28 с.

Тина Нопола, Мерви Линдман. Сири и ее новые друзья. М.: Открытый мир, 2002.

Тина Нопола, Мерви Линдман. Сири и радость третьего этажа. М.: Открытый мир, 2007.

Предпочтения в чтении финских детей легко изучить по сайтам тех же финских библиотек, где ребята самостоятельно (за малышей – их родители) оставляют свои комментарии. Конечно, для перевода желательно знать финский язык. Для тех из наших читателей, кто пока не может похвастаться этим знанием, приведу краткий список того, что «взахлеб» читают финские ребята прямо сегодня (эти книги еще не переведены на русский и пока недоступны нашим детям):

Келли Стрём. Сири, пелотон почти пилота.

Тьерри Франсуа, Лаваль и Стефана Дюранд Sarano. Где находится морской ёж?

Оливер Джефферс. Летящий Пингвин.

Это читают самые маленькие. Дети в возрасте 6–7 лет имеют свой список бестселлеров:

Маури Куннас. Собаки и дети в городе. Тимо Parvela. Хилма и идеальный ребенок.

Лена Андерсон. Маленький Урхин и свинья Снупи.

Мерви Линдман. «Храбрый маленький Меммули.

Кайса Липпонен. Удивительное путешествие.

Почему бы не воспринять современный финский опыт или хотя бы обратить на него внимание?

Вечером возьмите такую «инострannую» книгу, почитайте вместе с ребенком, рассмотрите картинки. Помочь в этом процессе могут красочно оформленные, захватывающие

внимание ребенка книжки, увиденные мною в соседней Финляндии и затем здесь, в библиотеках России. Они уже прошли на нашей ментальной «почве» необходимую экспертизу временем; наших детей не пугают «иностранные» имена авторов и героев, как когда-то – во времена моего детства – в XX веке нас не пугало творчество замечательного Джанни Родари.

Как показывает практика, детей «цепляет» или отталкивает не страна происхождения героев, авторов или сюжета, а интересный или неинтересный язык, которым через книгу автор общается с весьма пристрастным ребенком. Наши дети пристрастны, сами того не ведая, они выступают в роли чуткого индикатора качества: плохие книги вы их читать не заставите. А хорошие – способствуют тому, что у ребенка возникает желание научиться читать самому (само собой это желание не возникает, зачем – ну почитают же тебе, если очень попросишь), и совершенствоваться в этих очень важных для развития навыках.

В.Г.Сибирцева

СОВЕТСКИЕ ДЕТСКИЕ БИБЛИОТЕКИ ГЛАЗАМИ АВСТРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

17 сентября исполняется 100 лет со дня рождения австрийской писательницы – Миры Лобе, считающейся у себя на родине классиком новейшей детской литературы. Ее книги, адресованные детям самого разного возраста (от 3 до 15 лет), фантастичны, полны оптимизма и пользуются большим успехом у современных юных читателей. К сожалению, российская публика знакома только с тремя из них. Это «Город Вокруг-да-Около», опубликованный в 70-х годах прошлого века, а также «Бабушка на яблоне» и «Как дело было с Мохнаткой», красочно переизданные в 2011 году в издательстве «Махаон». Шедевр Миры Лобе, «Я – это я», переведенный на более чем двадцать мировых языков, и существующий в отличном пересказе Эллы Венгеровой на русский язык, практически не известен в России, потому что печатался в австрийском издательстве крохотным тиражом для благотворительных целей. В 2013 году празднуется 90 лет со дня рождения еще одной австрийской детской пи-

сательницы – Веры Ферра-Микура, а годом раньше свой 90-летний юбилей отмечал писатель, издатель и библиотечар Вильгельм Майссель. Повесть для школьников «Двенадцать человек – не дюжина» – почти единственное произведение Веры Ферра-Микура, которое переведено на русский язык. Другие ее повести, написанные в жанре магического реализма, такие как бестселлер «Три Станислава» или книга стихов «Песни дождевой бочки», пока не известны в России. Романы Вильгельма Майсселя для юношества (например, «Герой по собственной воле» о Фритьофе Нансоне) тоже достойны перевода на русский язык и ждут своего часа.

Однако связь этих трех австрийских детских писателей с Россией оказывается более прочной, а история, которую предстоит рассказать, почти детективной и символической.

45 лет назад, в 1968 году, по приглашению советско-австрийского общества детских писателей Мира Лобе, Вера Ферра-Микура

и Вильгельм Майссель побывали в Москве, Ленинграде и Тбилиси. Поездка в Советский Союз была для них культурным потрясением, но по-настоящему неизгладимое впечатление произвело посещение детской библиотеки в Ленинграде. Через три года после визита в Советский Союз в журнале «Информационный бюллетень. Педагогика» появилась восторженная статья Вильгельма Майсселя «Детская книга и писатели в СССР». Статья родилась из дневниковых записок, которые Вильгельм вел в поездке. Что же запомнилось писателям после посещения библиотеки больше всего? Обратимся к запискам:

«Районная библиотека для детей, четвертая по величине в Ленинграде, 10 000 юных читателей. 90 000 томов книг. Самая старая библиотека в Советском Союзе: два читальных зала, три стола выдачи книг.

Ведется методическая работа со всеми окрестными школьными библиотеками. При каждой школе закреплен учитель, отвечающий за работу над чтением. Один раз в неделю школы обязательно проводят урок в библиотеке: как пользоваться библиотекой, что читать? Школьников знакомят с каталогами, учат находить книги

по автору, ключевому слову, тематической области. Кроме того, детям рекомендуют книги для чтения в том или ином возрасте.

Проводятся творческие вечера, существуют вечера исключительно для родителей, на которых взрослых знакомят с новинками детской литературы, устраиваются лекции и дискуссии.

Ежегодно в марте во всем Советском Союзе проходит неделя детской книги, детские писатели повсюду встречаются со своими читателями. В заключение организуется книжная ярмарка, раздаются автографы, все становятся друзьями.

Раз в месяц на семинар, лекции и дискуссии приезжают все школьные библиотекари.

Два раза в год самые затрепанные книги отправляются в переплетную мастерскую, для менее поврежденных экземпляров дети открывают книжную больничку в стенах библиотеки и «лечат» книги самостоятельно.

Осмотр библиотеки: зал выдачи книг для детей до 10 лет (книжки с картинками, детские и педагогические журналы). Рядом лекционный зал с деревянными барельефами, выполненными студентами художественной школы. Рояль, голубые лестницы, полукруглые

скамейки, расписанные стены (сказочные мотивы): Кот в сапогах, Буратино – дипломные работы студентов. В холле – фотографии лучших читателей. В библиотеке есть отдельное помещение для обработки книг, читальный зал с пластилиновыми поделками читателей. Книги на полках очень зачитанные... Читальный зал для старших школьников, в нем видно читающих девочек, мальчиков нет.

Студенты-филологи, посещающие библиотеку и изучающие читательские интересы школьников, в качестве компенсации делают доклады на научные темы для заинтересованных ребят.

Библиотекари получают низкую зарплату. 75-80 рублей в месяц. Нижнее белье стоит 20-25 рублей, свитер – 49 рублей, кожаные сапоги – 60-80 рублей...»

Дневниковые записи Вильгельма Майсселя, связанные с этой поездкой, лаконичны и честны во всем. Перед нами описание золотого века детских библиотек в Советской России. Золотого для читателей, но не для работников библиотеки. Несмотря на это хотелось бы закончить словами Вильгельма не из дневника, а из поздней статьи, в которой отражены только положительные моменты:

«...Так одна шестеренка цепляется за другую и нет границ распространению чтения и расширению читательского интереса. Если вспомнить, что библиотеки относятся к министерству культуры, а школы – к министерству образования, то согласованность действий этих министерств можно назвать образцовой и импонирующей. Союз детских писателей, детские издательства и детские библиотеки работают рука об руку и не строят друг другу препон. Положение, которое особенно способствует развитию детской и юношеской книги в целом».

Оглядываясь назад, можно увидеть, какие колоссальные усилия предстоит предпринять сегодня, чтобы вернуться на уровень развития наших библиотек почти полувекковой давности. Еще труднее будет догнать библиотеки Австрии, которые по оценке труда библиотекарей и выстраиванию творческого взаимодействия «читатель-книга» ушли далеко вперед.

Детективная же интрига поездки австрийской делегации состояла в том, что во время одной из прогулок по Москве в витрине книжного магазина Мира, Вера и Вильгельм увидели книгу «Путешествие в город чудаков». Это

был «пиратский» перевод книги Веры Ферра-Микура «Доброрядочная семья Штенгель». Писатели потребовали разъяснений и в итоге издательство «Детская литература» было вынуждено выплатить авторский гонорар. Но почти всю немалую сумму Вера Ферра-Микура оставила переводчице, сопровождавшей делегацию, поскольку везти советские рубли за пределы Советского Союза – бессмысленно. Эти деньги были использованы для переправки романов А.И.Солженицына за границу, а переводчица стала (правда, намного позже) активным участником правозащитной

организации. Так, казалось бы, заурядная поездка делегации «для обмена опытом» еще раз показала, что «жизнь богаче всяких схем».

История поездки австрийской делегацией детских писателей в Советский Союз стала известна в 2011 году, когда мне посчастливилось познакомиться и подружиться в Вене с главным редактором австрийского детского издательства «Юнгбруннен» (1960-1985), журналистом и детским писателем Вольфгангом Харрантом, библиотекарем и автором детских книг Бригиттой Майссель и Элизабет Микура – дочерью Веры Ферра-Микура. Низкий им поклон.

ИНФОРМАЦИЯ

ПРЕМИИ

Премия имени Виктора Голявкина к 85-летию со дня рождения писателя

Учреждена в марте 2013 года.

Учредители — Редакция журнала «Невский альманах» и НППЛ «Родные просторы».

Присуждается один раз в два года за лучшее произведение художественной прозы, выпущенное в 2012 – 2014 гг., в двух номинациях:

- книга прозы для детей;
- книга прозы для взрослых.

К участию в конкурсе принимаются книги, написанные на русском языке, писателей, пишущих для детей и подростков. Книги для взрослых читателей могут быть любой тематики, однако предпочтительна тематика книг о современной России и путях её дальнейшего развития. Юмористический взгляд приветствуется.

Цели конкурса:

- выявление и продвижение новых талантливых авторов, работающих в области детской и взрослой литературы, пишущих на русском языке;
- привлечение внимания писателей к проблемам детского и подросткового возраста;
- освещение проблем современной жизни страны;
- возрождение традиции семейного чтения.

В жюри конкурса входят известные писатели, критики, издатели, библиотекари, общественные деятели, педагоги.

Все победители конкурса награждаются Дипломами лауреатов конкурса имени Виктора Голявкина

за лучшее художественное произведение в прозе.

Положением о конкурсе предусмотрено вручение победителям конкурса Дипломов лауреатов премии им. Виктора Голявкина и денежных премий по каждой номинации.

Жюри предоставлено право отмечать лучшие книги званиями дипломанта конкурса им. Виктора Голявкина.

Состав жюри будет опубликован дополнительно. Почетным президентом конкурса является писатель, член Союза писателей России Бубнова Людмила Леонидовна.

Вручение премии состоится в первую неделю сентября 2014 года.

Положение о премии:

1. Правом выдвижения на конкурс обладают творческие писательские союзы, ЛИТО, редакции журналов, литературные критики, издательства, а также сами авторы.
2. В оргкомитет премии представляется 2 (два) экз. книги. По окончании конкурса книги авторам не возвращаются.
3. Детские книги, содержащие нецензурную лексику, снимаются с участия в конкурсе.

4. На конкурс принимаются книги, написанные только на русском языке. Возраст и место жительства автора не играют роли.

5. На конкурс не принимаются книги, содержащие призывы к разжиганию национальной розни, свержению власти, терроризму, воспевающие секс и насилие.

6. Прием книг на конкурс заканчивается 30 июня 2014 года. В июле 2014 года на сайте журнала «Невский альманах» публикуется лонг-лист принятых на конкурс книг по обоим номинациям.

7. Не позднее 20 августа 2014 г. на сайте журнала «Невский альманах» публикуется шорт-лист премии.

8. Итоги конкурса и интервью с победителями будут опубликованы в журнале «Невский альманах» №5 за 2014 год.

9. Материалы на конкурс направляются в редакцию журнала «Невский альманах» по адресу: Санкт-Петербург, ул. Рылеева д. 15-17, 2-ой этаж; E mail: tatmiles@mail.ru nevalmanah@gmail.com

10. Справки по телефонам: (812) 579-07-92; факс: 579-09-48, 360-43-61; моб. 8-967-596-24-87.

ДИСКУССИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

В. Винникова

СОХРАНИВ ЛИТЕРАТУРУ, СОХРАНИМ ВОСПИТАНИЕ

С 25 по 28 апреля в Центральном выставочном зале «Манеж» состоялся VIII Международный книжный салон. Мероприятие посетили читатели и авторы со всего города и даже из других регионов. В рамках выставки прошли различные встречи и конференции, посвященные литературному творчеству. Немало внимания было уделено программам для детей и детской литературе. 27 апреля состоялась конференция, на которой обсуждались современная литература для детей и проблемы, связанные с ней.

На конференции собрались детские писатели и редакторы журналов. Выступили Борис Орлов – председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, Татьяна Федяева, доктор филологических наук и главный редактор журнала «Вестник детской литературы», главный редактор журнала «Санкт-

Петербургская Искорка» Юрий Буковский, редакционный коллектив детского журнала «Зубрёнок» в лице главного редактора Николая Бутенко – председателя секции «Литература для детства и юношества» СП России и писателей Николая Чагыса и Гурии Османовой.

Т.Федяева кратко проанализировала состояние рынка современной детской литературы: «Рынок детской книжной продукции очень насыщен, очень усложнился, сейчас есть книги на все вкусы, можно удовлетворить любые читательские потребности и детей, и родителей, но у нас нет пропаганды хорошей детской литературы». По мнению профессора, в настоящее время необходимо формирование системы рекомендаций о том, что читать детям разных возрастов. Т.Федяева заметила, что даже произведения лауреатов детских литературных премий не всегда могут оказаться

по-настоящему стоящей литературой: «Жюри часто лоббируют свои представления о том, какой должна быть детская книга. Воспитательные функции детской литературы могут предаваться при этом забвению или пониматься неверно. Например, до сих пор многие наши издательства увлекаются западными идеями толерантного общества и ювенальными правами детей и нередко переводные книги навязывают нам эти стереотипы мышления, а между тем, к примеру, по части толерантности мы могли бы во многом поучить Запад». В завершение она внесла предложение обратиться в Комитет по печати с предложением о системном переиздании классиков советской детской литературы и распространении этих обновлённых книг по библиотекам.

Юрий Анатольевич Буковский и Николай Николаевич Бутенко рассказали о журналах, главными редакторами которых они являются. Издания «Искорка» и «Зубрёнок» рассчитаны на аудиторию младшего и среднего школьного возраста. В настоящее время перед детскими периодическими изданиями стоит много проблем. Главная из них –

отсутствие финансовой поддержки и, как следствие, сложности в распространении журналов.

О том, почему возникают такие проблемы, подробно рассказала Гурия Османова. Одним из вопросов, поднятых ею, стала проблема незаинтересованности издателей в творчестве большинства современных авторов. Не так давно писательница принимала участие в семинаре библиотечарей и писателей, который назывался «Состояние книжного рынка и острые проблемы практики комплектования». К сожалению, отметила она, в настоящее время ситуация на книжном рынке такова, что большинство талантливых писателей вынуждены заниматься самиздатом. Но даже несмотря на финансовые трудности, многие писатели не продают свои книги, а от всего сердца оставляют их в дар библиотекам. Однако и в библиотеках они остаются недоступны для основной целевой аудитории.

«В библиотеках оставленные в дар книги хранятся в кабинетах заведующих, – пояснила Г. Османова. – То же самое происходит с и нашим журналом «Зубрёнок». Дети этих книг просто не видят. А по про-

шествии нескольких лет литература превращается в макулатуру. Когда я задала вопрос, для чего же тогда библиотека принимает эти издания, но не подпускает к ним читателей, директор библиотеки ответила, что, к сожалению, у них нет права выставлять литературу, доставшуюся в подарок. Для того чтобы ее выставить, надо оформить множество документов. Писатель должен написать заявление о том, что передает книгу библиотеке в безвозмездное пользование, потом зарегистрировать факт передачи и т.д.».

Ещё одной обсуждаемой проблемой стало комплектование библиотек. Согласно статистике, это важный канал книгораспространения, составляющий от 10 до 12% книжного рынка. Система поступления книг в библиотеки такова: библиотекари пишут в районный отдел комплектования, какую литературу они хотели бы видеть в своей библиотеке. В Петербурге существует пять или шесть компаний-посредников, которые и решают, в каком издательстве закупить данные книги и предложить библиотеке. Суть проблемы в том, что библиотеки располагают весьма огра-

ниченной суммой для покупки книг. К сожалению, в России отсутствует единая информационная система по книжному рынку в целом. Библиотекарям приходится пользоваться сайтами вроде «Комплектование.ру». Такие сайты предлагают книги крупных издательств, таких, к примеру, как «Эксмо» и «Детская литература», более мелкие издательства зачастую не указаны на сайте. Соответственно, такие книги стоят очень дорого. По этой причине библиотека вынуждена покупать лишь несколько книг.

В современном мире многие проблемы детской литературы связаны не с финансовым, а с духовным положением общества, отметила Г.Османо́ва. Сейчас происходит процесс трансформации литературы. Во-первых, он вызван изменением самого текста. Уже сегодня подрастающее поколение не готово воспринимать литературный текст как таковой. Восприятие информации гораздо успешнее происходит при помощи аудио- и видеоисточников, то есть детям требуются мультимедийные учебники. Происходит, к сожалению, и трансформация писательства. Если

писатель, зачастую самый заурядный, в состоянии обеспечить самоиздание и рекламу книги, то вскоре она будет выставлена на прилавках магазинов. По словам Г. Османовой, это крайне субъективный подход к литературе: «Бездарные авторы имеют огромные возможности продвигать своё творчество, а классики вроде Юрия Степанова забываются. Его замечательные произведения, которые учат нравственности и добру, можно найти в библиотеках только в очень старом и потрёпанном состоянии. Скоро их будут утилизировать согласно санитарным нормам. Вряд ли книги будут переизданы. Если говорить о нашем журнале «Зубрёнок», то он с трудом доходит до своего читателя, несмотря на все старания Николая Николаевича. Мы должны уметь защищать и продвигать сами себя. Нужно начинать с писем в Комитет по образованию, Комитет по культуре и Комитет по печати с просьбой о переиздании классиков и поддержке молодых писателей».

Поднимался вопрос и о качестве литературы и её воздействии на сознание детей. Сейчас пишется и издаётся очень много произведений

для детей, но не каждое из них желательно для прочтения. Эту проблему прокомментировал председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Александрович Орлов. По его мнению, рост детской жестокости и преступности напрямую связан с ухудшением качества литературы. В годы перестройки многие люди испытывали серьёзные финансовые трудности и основной целью родителей было прокормить ребенка, а забота о его духовном и нравственном развитии отходила на второй план. Но сейчас материальная ситуация в стране улучшилась, у людей есть шанс дать своим детям достойное представление о мире с помощью литературы.

«Это проблема нашего времени, – сказал Борис Орлов, – и единственный, кто сейчас пытается реально поддерживать нормальную литературу – это государство. К сожалению, когда развалился Советский Союз, все разбежались по национальным культурам и по кланам. Нынешнее общество, которое называют олигархическим – это общество клановое. И нередко литература в этом обществе несёт

в себе клановый подход – авторы пишут лишь о том, что выгодно главе клана, а тот в свою очередь продвигает их проекты. И поэтому пока самая лучшая литература – это не та, которая выпускается благодаря коммерческим проектам, а та, которая выходит при поддержке государства. К примеру, у нас вышла книга «Антология детской поэзии», издание которой поддержало правительство. В ней нет никакого кланового подхода, а просто представлены хорошие стихи петербургских поэтов».

С мнением председателя правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей не совсем согласился Юрий Буковский. По его мнению, примером недостаточной заботы государства о современной литературе послужило распределение финансов, выдаваемых на издание книг. Сумма дается только на полиграфические расходы. Это означает, что деньги идут на оплату труда грузчика, печатника, переплётчика, но никак не автора. После издания идет следующий этап – продажа книги. В стремлении найти покупателей своего произведения автор поневоле становит-

ся менеджером по продажам. «Талантливые люди обычно делают всё медленно и размеренно, и поэтому у хорошего писателя зачастую не получается реализовать книгу на литературном рынке. Книги лежат в кабинетах Союза писателей, лежат дома у самих авторов. А пока они лежат, в свет выходят непрофессиональные творения таких же непрофессиональных деятелей литературы. У нас нет и не будет хороших авторов, пока практикуется такая система. В новый номер «Искорки» я вложил свои деньги сам. Что-то добиться от Комитета по печати – это большая проблема. К сожалению, забота государства о современной литературе оставляет желать лучшего», – пояснил свою точку зрения Ю.Буковский.

Писатель Николай Чагыс, который также входит в редакционный коллектив журнала «Зубрёнок», рассказал о большой роли встреч писателей с детьми. Он отметил, что в настоящее время писатели поставлены в более сложное положение, чем их коллеги в советское время. Они вынуждены издавать свои произведения без помощи государства. Современные детские

авторы практически потеряли доступ к своим читателям: «Это не диво, учитывая, что тиражи книг сейчас составляют приблизительно от ста до пятисот экземпляров. Тем, кто умудряется внести средства в издание книги тиражом в пять тысяч копий, коллеги завидуют белой завистью. Все понимают, что надо ещё и распространить такое количество книг самостоятельно, так как на помощь государства рассчитывать не приходится. В результате себестоимость книги несравнимо больше, чем в советские времена, когда тиражи книг нередко доходили до пятисот тысяч экземпляров. К тому же, каждое издательство обязано было рассылать определенное количество экземпляров в каждую городскую детскую библиотеку нашей необъятной Родины. Таким образом, все ребята Советского Союза заочно знакомились со своими писателями. Люди того времени помнят, что на встречу с любимым писателем в школе стремились по-

пасть всеми правдами и неправдами. Свободных мест в библиотеке или актовом зале просто не было».

В заключение круглого стола Ю.А.Буковский представил новый номер «Искорки». В частности, он сказал о том, что в эпоху Интернета для установления тесного контакта с читателем писатели и редакторы журналов прибегают к такому ходу, как открытие интернет-портала или писательской странички в сети. Журнал «Искорка» имеет два сообщества на сайтах «ВКонтакте» и «Фейсбук». Сайт может вместить в себя несравнимо больше публикаций, чем печатное издание. Именно поэтому все желающие приглашаются стать друзьями «Искорки». В Интернете они смогут публиковать свои произведения, а что самое важное, получить возможность обратной связи и публикации в журнале. Портал примечателен ещё и тем, что на нём можно найти электронные аналоги выпусков прежней «Искорки» 1957-1991 годов.

М.В.Иванкива

КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ О СТАЛИНИЗМЕ?

*Нет более надежных прививок от тяжких болезней, чем те, что прививаются в детстве.
Л. Рубинштейн*

Именно этот вопрос обсуждался 19 апреля в Международном обществе «Мемориал» в рамках всероссийской акции «Библионочь» (акция проходит ежегодно и имеет своей целью привлечение читателей в библиотеки). Вопрос представляется актуальным в особенности в свете идеи создания единого учебника истории и недавних социологических исследований, согласно которым Сталин был признан «эффективным менеджером». «Мемориал» совместно с московским издательством «Розовый Жираф» провел детскую дискуссионно-экскурсионную программу, которая состояла из двух частей: «Пойми ровесника. Дети 30-х и их правнуки» и «Письма отца: учебник по всем наукам. (Путешествие на Соловки с Алексеем Феодосьевичем Вангенгеймом)».

Гости первой части программы пытались ответить на вопрос, что может быть общего у детства наших дедушек, бабушек и родителей с детством детей, рожденных после распада Советского союза. Редактор

«Розового жирафа» Надежда Кручицкая и историк, директор Библиотеки Международного «Мемориала» Борис Беленкин вели дискуссию, ставили вопросы и помогали собравшимся отвечать на них, опираясь на исторические материалы, старые газеты, детские письма Сталину, семейные архивы 30-х годов, – а также личные и семейные истории детей, участников дискуссии.

«Розовый жираф» уже проводил круглый стол, посвященный проблемам сталинизма 5 марта в 60-ю годовщину смерти Сталина. В этот день состоялась презентация книги Евгения Ельчина «Сталинский нос». Ельчин родился в Ленинграде в 1956 году, в 1983 году эмигрировал в Соединенные Штаты, поэтому его повесть является переводом с английского. Можно назвать «Сталинский нос» своеобразной аллюзией на «Один день Ивана Денисовича», так как «Сталинский нос» – это всего лишь один день из жизни обычного советского школьника Саши Зайчика. Но за этот день Саша успеет стать

свидетелем ареста любимого отца, офицера НКВД, отрепетировать роль отрядного знаменосца, стать сыном врага народа, разбить бюст товарища Сталина, вызвать настоящий переполох в школе, спровоцировать арест учительницы, побывать объектом вербовки со стороны агента НКВД. В Америке книга вышла в 2011 году, была названа одной из лучших книг года, а в 2012 году получила престижную в мире детской литературы награду Ньюбери.

В России книга была принята неоднозначно. На обсуждении в «Мемориале», на котором присутствовали руководитель образовательных программ Международного «Мемориала» Ирина Щербакова, заместитель директора Киевской Центральной Библиотечной системы Елена Лобанова-Гольдштейн, учитель истории в Европейской гимназии Игорь Долуцкий, психолог, создатель и руководитель проекта «Бампер» (книжный магазин-автобус) Анна Тихомирова, литературный критик, специальный корреспондент ИД «Коммерсантъ» Анна Наринская и член Правления Международного «Мемориала», директор Библиотеки «Мемориала» Борис Беленкин, высказывались подчас противоречивые оценки. Так, А. Наринская сказала: «Книга мне, скорее, не нравится, хотя сам факт ее выхода – плюс. На мой вкус,

это художественная неудача автора, который не справился со сложной реалистичной задачей описания страданий мальчика и в определенный момент свалился в фантасмагорию. Мой ребенок дошел до этого «Гарри Поттера, помноженного на Толкиена», и начал комфортненько перелистывать». Б. Беленкин позволил себе с ней не согласиться: «Я был в некоторой растерянности, когда сотрудники издательства попросили меня написать послесловие к «Сталинскому носу». Но, если бы я посчитал, что автор книги не справился, то – не стал бы, разумеется, ничего писать. Да, в книге, может быть, есть не вполне удачные эпизоды. Однако меня больше интересует, будут ли ее читать дети 9-12 лет – на этот возраст, как мне кажется, книга рассчитана. Каких-то явных исторических искажений я в ней не вижу. Но – требуется ли к ней квалифицированный комментарий? Вопрос. В целом же, если книга окажется читабельной – автор и издательство победили. Не окажется – значит, проект был не вполне удачным».

Перевод и издание «Сталинского носа» на русском «Розовый жираф» называет «лишь началом длинного и трудного разговора, который мы хотели бы вести с нашими читателями и их родителями, разговора, который, мы надеемся,

форме: так надо, а этак нельзя, то детской литературе такие простые методы противопоказаны, она обязательно должна быть не только назидательной, но ещё и развлекательной, игровой.

А вот это уже и есть профессия: детский поэт, детский писатель, которые настойчиво, с боями, пытаясь уничтожить, стереть с лица земли и литературы своих идейных противников, ищут, но никак не могут найти себе место как авторы в опусах которых есть как патологические, неизлечимые сложности и проблемы с нравственностью, так и примитивное, занудное или сюсюкающее морализаторство. К счастью, именно редким умением в забавной, развлекательной, игровой форме рассказать детям о важном и интересном, обладают все авторы журнала. В номере опубликованы стихи, загадки, стихотворные кроссворды блестяще и много лет работающего в жанре детской поэзии Валерия Шумилина. В рубрике «Гостиная» Николай Бутенко представляет стихи Елены Дюк, обладающей редким талантом сочетать в своих произведениях юмор и лирику. Среди других поэтических произведений читатель найдёт весё-

лые загадки Екатерины Серовой и остроумные стихотворения Нины Тарасовой и Татьяны Поципун. Для юных сочинителей «Искорка» придумала поэтический конкурс, он называется «Времена года» и открывается стихами петербургского второклассника Арсения Макарова.

Проза в журнале представлена сказками Валерия Аксёнова и автора этих строк, рассказами Владимира Дудрова и похожей на страшное приключение классической, как для учебника по композиции сделанной, историей Виктора Васильева. Здесь же и продолжение увлекательного, мастерски написанного детектива недавно ушедшего от нас большого детского писателя Александра Гостомыслова.

Отдельно стоит остановиться на публицистике. Жанр сложный, уметь писать о реальных, непридуманных событиях простым и лёгким языком, так, чтобы читать было интересно, это искусство. И все три автора журнала справляются с этой задачей весьма профессионально. Александр Мясников рассказывает маленьким читателям о замечательной истории нашего города, бывшей столице империи, Вениамин Пастухов – о людях,

которые прославили его на весь мир, Виктор Кокосов в своём очерке напоминает нам о событиях, которые должны знать все петербуржцы – о защите Ленинграда в дни блокады и о людях, героически отстоявших его.

Есть в журнале и страничка с головоломками «Клуб смекалистых ребят», и заново открытый отдел юмора «Кактус».

За оформление вот уже третий номер подряд отвечают Виктор Товбин, Елена Ахматова и Елена Алексеева. Сделать издание так, чтобы его было приятно взять в руки, могут только настоящие профессионалы. И надо сказать, что справляются наши дизайнеры со своей задачей очень умело, журнал выглядит нарядным и праздничным.

ОБ АВТОРАХ «ВЕСТНИКА»

Е.А.Белозерова – литературовед, переводчик (Высшая школа переводчиков при университете Сорбонны), живет во Франции

Ю.А.Буковский – детский писатель, главный редактор «Санкт-Петербургской Искорки», член СП России

В.Винникова – ученица 11 класса школы № 262, корреспондент «Санкт-Петербургской Искорки»

Л.Н.Гаврилов – писатель и публицист, член Союза писателей Санкт-Петербурга

А.В.Давыдова – кандидат филологических наук, доцент Поморского Государственного университета (Архангельск)

М.В.Иванкина – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского университета кино и телевидения

А.П.Кашкаров – магистр, автор книг и публикаций по детскому чтению

Т.Г.Лимановская - заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин гимназии г. Сызрани, учитель высшей категории, Почётный работник общего образования России, лауреат премии президента, победитель конкурса приоритетного национального проекта «Образование»

Л.Ф.Московская – прозаик, поэт, доктор физико-математических наук, профессор Горного университета, член СП России

В.Г.Сибирцева – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы экономики (Нижний Новгород)

В.Ю.Чарская-Бойко – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского университета кино и телевидения

Л.Яковлев – писатель, публицист, телеведущий, лауреат IV Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого (2011-2012), Призёр Первого международного литературного конкурса памяти поэтессы Ренаты Мухи (2012), Дипломант литературной премии Союза писателей России им П.П. Ершова (2012), Гран-при и диплом лауреата 1-й степени всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник-2012»

Вестник детской литературы:
Информационно-аналитическое издание
Выпуск 7. – СПб, Издательство писателей «Дума»
2013 – 114 с.

ISBN

ВЕСТНИК ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Информационно-аналитическое издание
Выпуск 7
Под редакцией доктора филологических наук
Т.А. Федяевой

Издательство писателей «Дума»
Подписано к печати 25.09.2013. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC. Уч.-изд. л. 7,2.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Град Петров»
ООО ИД «Петрополис»
197101 СПб, Б.Монетная ул., д. 16
Офис центр- 1, к. 12